

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
РИМА В I В. ДО Н.Э. – II В. Н.Э.**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.03.01. История
очной формы обучения, группы 02031403
Анохиной Елизаветы Витальевны

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Семичева Е.А.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Политическая и общественная деятельность римских женщин в эпоху принципата.....	17
§1. Роль женщин в государственных переворотах	17
§2. Функции женщин в политических интригах	28
§3. Формы женской общественной деятельности	39
Глава 2. Женщины в политической и общественной жизни римского государства во II в.	52
§1. Роль женщин в политических заговорах	52
§2. Женщины в механизме римской интриги	57
§3. Формы общественной деятельности женщин	62
Заключение	74
Источники и исследования.....	77
Приложения	83

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном мире демократические тенденции привели к целому ряду существенных изменений в различных сферах, сознании и поведении людей: социальные, экономические и политические преобразования обусловили появление женщин в профессиональной и образовательной областях, изменение их статуса в семье, и, наконец, возрастание и укрепление роли в общественной и политической деятельности¹, в связи с чем возникают новое отношение к власти, ее понимание, представления о ней. То, что недавно было на периферии властных отношений, перемещается в их центр. Как известно, в течение долгого времени власть, возникая из полоролевой неоднородности людей, сводилась к системе преимуществ, в основном, мужских, представляющих дополнительные степени свободы и дающие право мужчинам влиять на самоутверждение других, то есть женщин². Однако в условиях современности выделение гендерного аспекта в политике и общественной деятельности, обусловленное возрастающей степенью участия представительниц женского пола, подталкивает к переосмыслению роли женщин в данных сферах, и сделать это возможно, обратившись к историческому прошлому человечества. Целесообразным в этом плане является изучение соответствующих аспектов истории Древнего Рима, где впервые была сделана попытка нарушить гендерную асимметрию и создать новые модели гендерных отношений³.

Степень разработанности проблемы. Важной в методологическом отношении является работа Л.П. Репиной⁴, в которой автор раскрывает сущ-

---

¹ Латина С.В. Гендерные исследования в науках о культуре. - Электрон. библиотека диссертаций. – URL: <http://www.dissercat.com/content/gendernye-issledovaniya-v-naukakh-o-kulture>.

² Грошев И.В. Гендерные представления о власти // Социс. – 2000. - №12. – С. 33.

³ Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в культуре древних цивилизаций: римские императрицы. - Электрон. библиотека диссертаций. – URL: <http://cheloveknauka.com/zhenschina-i-vlast-v-kulture-drevnih-tsvivilizatsiy-rimskie-imperatritsy>.

⁴ Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. - 2000. - № 4. - С. 122 - 137.

ность гендерного подхода в истории. По мнению автора, гендер, помимо всего прочего, - это еще и первичный способ обозначения властных отношений. В случае подобной трактовки, в центре внимания исследователей оказываются институты, регулирующие распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в пределах общества и обеспечивающие таким образом воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях. Данные различия, в противоположность природным качествам пола, варьируются от одного культурно-исторического пространства к другому. При этом особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики.

Е.Е. Шеховцова¹ в статье, посвященной проблеме использования категории «гендер» и гендерной методологии при изучении вопроса о вмешательстве женщин во властные отношения Римского государства, приходит к выводу, что внедряемый сегодня гендерный подход, основанный на идее преимущественной важности не биологических или физических различий между мужчинами и женщинами, а культурного и социального значения, которое общество приписывает этим различиям, позволяет исследователям иначе проанализировать историю власти в Риме, рассмотреть влияние одного пола на другой, выявить ранее незамеченные попытки женщин воздействовать на политическую сферу.

Важную информацию для теоретических построений содержат работы, анализирующие некоторые аспекты политико – психологической игры, участницами которой становились женщины. В труде Д.В. Ольшанского² содержится анализ прикладных проблем политической психологии, в том числе механизмов осуществления того или иного политического мероприятия, на-

---

¹ Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в Римской империи: постановка проблемы в аспекте методологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2008. - № 6. – С. 314 – 318.

² Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург, 2001. — 496 с.

пример, заговора или интриги. А.Б. Егоров¹ указывает, что именно можно квалифицировать как интригу, чем эта форма активности отличается от других видов политической деятельности применительно к истории Древнего Рима.

Наиболее значимыми для нас явились труды, в которых рассматривается роль римских императриц², а также анализируется их поведение в контексте социально-политической и историко-культурной проблемы «женщина и власть»³. Т. Шпет⁴ приходит к выводу, что, влияние римлянок на мужей и сыновей для римского социума было так же естественно, как и участие в событиях, происходивших в пределах дома. В текстах римских авторов данная практика не оценивается как политическая, с современной же точки зрения она однозначно принадлежит к политической сфере, так как именно в семье находились истоки официальной политической игры. Схожей является точка зрения Е.Е. Шеховцовой⁵, в другой своей работе указывающей, что, хотя в Риме личность императрицы и была заслонена фигурой мужчины, однако многие из них пользовались влиянием благодаря как действиям правителей, осуществляемым под руководством женщин, так и их собственным усилиям. Кроме того, Е.Е. Шеховцова⁶ предпринимает попытку проанализировать цели обретения императрицами власти и способы реализации своих намерений, обращает внимание на специфику поведения римских императриц, обобщает их личностные качества, анализируя взаимоотношения женщин с окружающими.

---

¹ Егоров А.Б. Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории) // Политическая интрига и судебный процесс в античном мире. - СПб., 2015. - Вып. 2. - С. 187 – 226.

² Edwards C. Women and Power: The Empresses of Ancient Rome. – Электрон. дан. - URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4jflWp2sbv2J1xcHq6pKN3J/women-and-power-the-empresses-of-ancient-rome>.

³ Шеховцова Е.Е. Проблема влияния детских впечатлений на поступки римских императриц // Ярославский педагогический вестник. - 2008. - № 3. – С. 135 – 141.

⁴ Шпет Т. Власть женщин в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. - 1994. - №6. – С. 242 – 269.

⁵ Шеховцова Е.Е. Римские императрицы в освещении античных авторов // Ярославский педагогический вестник. - 2005. - №1. – С. 24 – 27.

⁶ Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в культуре древних цивилизаций: римские императрицы. - Электрон. библиотека диссертаций. – URL: <http://cheloveknauka.com/zhenschina-i-vlast-v-kulture-drevnih-tsivilizatsiy-rimskie-imperatritsy>.

ем. Значимым представляется тот факт, что исследователь предпринимает попытку определить место императриц во внешней и внутренней политике Римской империи.

Следует отметить научные статьи, посвященные недостаточно изученным аспектам жизни некоторых императриц, оставивших свой след в политической жизни Рима. И.П. Портнягина¹, исследуя исторический портрет Юлии Старшей, запечатленный античными авторами с использованием самых нелестных характеристик, указывает, что ввиду их единодушия у историков не возникает потребности реабилитировать данную женщину, однако, по мнению И.П. Портнягиной, трагическая судьба Юлии Старшей, необычайная суровость наказания, которому подверг Август свою дочь, заставляют более пристально вглядываться в обстоятельства ее жизни и искать им политическое обоснование. В работах А.В. Коптева² и П.А. Рузина³, посвященных другой императрице - Мессалине, а именно ее браку с Гаем Силием, носившему политический подтекст, предпринимается попытка выявить основные мотивы женщины, прогнозируемые ею результаты, а также проанализировать, какие реальные последствия по отношению к власти могло иметь данное мероприятие.

Попытки создать исторические портреты наиболее выдающихся женщин античности, как императриц, так и родственниц императоров, их любовниц, весталок, куртизанок, предпринимали А. Кравчук⁴ и Г.М. Левицкий⁵.

Особого внимания заслуживают работы, ставящие целью рассмотреть положение римских женщин в разных сферах общества в определенный пе-

---

¹ Портнягина И.П. Юлия Старшая в контексте династической политики Октавиана Августа // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2009. – Вып. 8. – С. 249 – 264.

² Коптев А.В. Брак Гая Силия и Валерии Мессалины в изложении Корнелия Тацита. – Электрон. библиотека. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261575781>.

³ Рузин П.А. Об интерпретации брака Валерии Мессалины и Гая Силия античной традицией и современными исследователями // Вестник Чувашского университета. - 2008. - № 1. – С. 106 – 110.

⁴ Кравчук А. Галерея римских императриц. – М., 2010. – 320 с.

⁵ Левицкий Г.М. В плену страстей. Женщины в истории Рима. - М., 2009. - 310 с.

риод времени. Статья В.А. Квашнина¹, где нас интересует авторская интерпретация роли римских женщин в период раннего Принципата, содержит идею о том, что абсолютное исключение представительниц прекрасного пола из публичной деятельности, зафиксированное в юридических источниках, было возможно лишь теоретически. В то же время более низкий женский статус по сравнению с мужским однозначно отражался на их социальном положении, в связи с чем женщин Рима автор рассматривает как особую социальную группу в структуре римской гражданской общины.

В статье Н.А. Чаплыгиной², анализирующей положение женщин из различных социальных слоев в правление Августа, перед нами, вопреки сложившемуся представлению, возникает не беспомощная и угнетенная женщина, а деятельная матрона, влияние которой проникает и на площадь народного собрания, и в сенат, и в палаты императора. А.А. Елагина, проанализировав положение римских женщин в I в., также пришла к заключению, что они активно помогали мужчинам в их государственной и военной службе³.

Нельзя не упомянуть о работах, где рассматриваются отдельные формы политической активности, в которых принимали участие представительницы прекрасного пола. Ценные для нас сведения содержит статья Е.С. Данилова⁴, указывающая на причастность женщин к шпионажу, а именно к сбору и распространению информации о частной жизни индивида, игравшей важную роль в формировании общественного мнения. Несколько иной характер носят работы С.Г. Сердюковой⁵, Т.Т. Вольштейн¹, Ю.В. Куликовой², в которых

---

¹ Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики // Народ и демократия в древности: доклады российской научной конференции. – Ярославль, 2011. – С. 175 – 188.

² Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире. – М., 1995. – С. 104 – 130.

³ Елагина А.А. Положение женщины в римском обществе I в. н.э. // Омский научный вестник. – Омск, 2006. – С. 15 – 20.

⁴ Данилов Е.С. Роль римских женщин в военной и политической разведке: от республики к империи // Частное и общественное: гендерный аспект. – М., 2011. – Т. 1. – С. 23 – 26.

⁵ Сердюкова С.Г. Проблема социальных конфликтов в эпоху Антонинов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2004. – Вып. 3. – С. 323-332.

рых упоминается об участии римлянок как второстепенных персонажей в некоторых социально-политических конфликтах.

При анализе общественной деятельности римлянок наиболее ценной оказалась работа французских исследовательниц Д. Гуревич и М.-Т. Рапсат-Шарль³, повествующая о различных сторонах жизни римских женщин — об их воспитании и культурных предпочтениях, увлечениях, отношениях с мужьями и любовниками. Авторы не ограничиваются только жизнью обитательниц дворцов и вилл, предоставляя возможность ознакомиться с повседневностью представительниц народных масс. Кроме того, большое значение имеет работа О. Кифера⁴, в которой автор рассматривает особенности менталитета древних римлян, положение женщин в государстве, анализирует взаимоотношения полов в первой половине I в. н.э. Отдельные главы, посвященные женщинам, имеются в монографиях М.Е. Сергеенко⁵ и Л. Фридлендера⁶, где исследователи сообщают информацию об обыденной жизни Древнего Рима, о существующих традициях. Некоторые сведения, характеризующие роль римлянок в общественной сфере, содержатся в работах Д.А. Воло-

---

¹ Вольштейн Т.Т. Выступление Авидия Кассия, его предпосылки и характер // Античный мир и археология. – Саратов, 1977. - Вып. 3. – С. 8 – 19.

² Куликова Ю.В. Причины и способы убийства императоров в Древнем Риме (I – III вв. н.э.) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 2. – С. 81 – 86.

³ Гуревич Д., Рапсат - Шарль М. – Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. - Электрон. библиотека. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gurevich-danielj/povsednevnaia-zhiznj-zhenschini-v-drevnem-rime>.

⁴ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. - Электрон. библиотека. – URL: <http://e-libra.ru/read/254064-seksualnaya-zhizn-v-drevnem-rime.html>.

⁵ Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. – М. – Л., 1964. – 334 с.

⁶ Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. – Электрон. библиотека. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1262896623>.

шина¹ – об участии женщин в гладиаторских боях, В.В. Головни² – об увлечении театром, С. Бонд³ – о покровительственной деятельности.

Для уяснения исторического контекста привлекались работы Я.Ю. Межеричского⁴, Е.М. Штаерман⁵.

Таким образом, несмотря на проявленный интерес к теме в научных кругах, проблема участия римлянок из различных социальных слоев в общественной и политической деятельности ни одним из исследователей не рассматривалась комплексно, с анализом основных мероприятий социально-политической сферы и типологии свойственных женщинам ролей на основании сопоставления данных разнородных источников. Более того, в качестве приоритетной задачи мы смещаем акцент с анализа событийного ряда на выявление оценочных суждений авторов и отношения общества как к личностям женщин, так и к их деяниям. Данные факторы определяют **новизну** работы.

Объект изучения: гендерный фактор в римской политике.

Предмет изучения: участие римских женщин в политической и общественной деятельности.

Хронологические рамки работы - I в. до н.э. – II в. н.э. обусловлены тем, что на данных этапах истории Рима роль женщин в политической и общественной областях может быть раскрыта, с одной стороны, достаточно полно, с другой – с указанием качественных изменений, приходящихся на исторические периоды, различные по своим характеристикам.

---

¹ Волошин Д.А. Гладиаторские бои как политическое массовое зрелище и средство «социальной дрессуры» (Рим эпохи Империи) // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. - Ярославль, 2012. - URL: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/voloshinda>.

² Головня В.В. История античного театра. - М., 1972. – 397 с.

³ Bond S.A. *Ob merita: the epigraphic rise and fall of the civic patrona in Roman North Africa*. – Chapel Hill, 2007. – 87 p.

⁴ Межеричский Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. – М.- Калуга, 1994. - 442 с.

⁵ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. - М., 1985. – Т.1. - С. 22 – 105.

Принципат характеризуется оживлением экономической и культурной жизни общества, переходом от республиканских к монархическим структурам власти, что привело к пересмотру не только статуса правителя и государства, но и прав жителей Рима¹. Следствием расширения территории, увеличения богатств становится все возрастающая потребность римлян в роскоши, на первый план выходит идея не семейного, а личного благосостояния, что приводит к распаду семьи, который наметился ранее. В связи с этим очевидна тенденция к уменьшению личной несвободы женщин и увеличению их политических и социальных прав. Исследователи отмечают, что никогда ранее римская женщина не добивалась настолько высокого социального и политического статуса, какой она имела в период принципата².

С другой стороны, II в. н.э. традиционно считается «золотым веком» Римского государства – временем наивысшего расцвета экономики, культуры, стабильности политических институтов³. В условиях усиления единоличной власти правителя уменьшается количество возможностей для постороннего политического вмешательства, в том числе со стороны женщины, поэтому данный период не характеризуется таким количеством известных имен женщин - политиков. Однако исследователи отмечают, что в Риме частное и публичное по - прежнему выступают как взаимосвязанные стороны, общественная жизнь представителей высшего сословия, вовлеченных в политику, однозначно не отделена от приватной⁴, следовательно, возможности римлянки для проникновения в политику не исчезают вовсе, а лишь видоизменяются.

---

¹ Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. – М. - Калуга, 1994. – С. 36.

² Сулейманова С.А. Политическая и социальная роль женщины в Древнем Риме // Язык. Культура. Коммуникации. - 2015. - № 2 (4). - URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/105/287>.

³ Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. - СПб., 2013. – Вып. 12. - С. 358.

⁴ Портнягина И.П. Знатная римлянка в период Поздней республики // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2005. – Вып. 4. – С. 263.

В связи с этим представляется интересным сопоставить тенденции, характеризующие женское участие в политической и общественной сферах, в разные эпохи - в период становления политической системы, утверждения основных принципов существования государства и в эпоху его наивысшего развития, чтобы проследить изменения в характере политического вмешательства, в поведенческих механизмах женщин, в их занятиях, не соприкасающихся со сферой политики.

Географические рамки определяются территорией Римской империи I в. до н.э. – II в. н.э., но с акцентом на Рим, так как именно в столице развивались основные процессы, имевшие отношение к высшей политической власти.

Цель работы: проанализировать и сопоставить роль женщин в политической и общественной жизни Рима в эпоху принципата и во II в. н.э. с опорой на разнородные исторические источники, сместив акцент с событийного ряда на выявление оценочных суждений античных авторов.

Цель реализуется посредством следующих **задач**:

1. проанализировать и сравнить роль женщин в заговорах в различные периоды, а также выяснить, как оценивалась подобная деятельность античными историками и писателями;
2. исследовать и сопоставить роль женщин в государственных интригах в эпоху принципата и империи, выявить оценочные суждения римских авторов по данному вопросу;
3. изучить формы общественной деятельности римских женщин в I в. до н.э. – I в. н.э. и во II в., проанализировать их характеристику, приведенную в нарративных источниках.

Источники. При проведении исследования мы опирались на следующую источниковую базу.

Исторические сочинения. Гай Веллей Патеркул (I в. до н.э. – нач. I в. н.э.) по отцовской и материнской линии принадлежал к прослойке, из которой в начале I в. происходили императорские чиновники и военные команди-

ры — к всадническому сословию и италийской муниципальной знати. Это были «новые люди», связанные с высшей властью и обязанные ей своим положением, что не могло не отразиться на его работе. В «Римской истории» автор в хронологической последовательности повествует о важных событиях и видных политических деятелях, в числе которых важное место занимает Октавиан Август. Создавая его исторический портрет, историк приводит информацию об особенностях частной жизни, затрагивает отношения с членами семьи, например, с женой и дочерью, повествует об особенностях их характеров, занятиях и интересах.

Гай Светоний Транквилл (конец I в. н.э. – середина II в. н.э.) – представитель всаднического сословия. Творчество Светония знаменует высший расцвет римского биографического жанра. В своем труде «Жизнь 12 цезарей» автор рассматривает как публичную, так и частную сферу жизни правителя, часто с примесью слухов и анекдотов, затрагивает детали закулисной борьбы, подробности личной жизни, включая особенности взаимоотношений с женщинами, что позволяет сформировать общую картину их влияния на мужчин и вмешательства во внутривластные процессы.

Публий Корнелий Тацит (I в. н. э.), являясь сенатором, принимал деятельное участие в политической жизни. В его «Анналах» женские персонажи включены в контекст политических событий, изложение которых в значительной мере определяется тем, что происходит в пределах семьи, где женщины выступают в роли жен или матерей, оказывающих влияние на мужей и сыновей, в качестве объектов почестей, оказываемых народом, или как олицетворение высшей добродетели либо исключительной безнравственности в сравнении с установленной нормой.

Дион Кассий Кокцеян (сер. II в. – нач. – III в.) - римский сенатор и историк греческого происхождения. Важной составляющей работы Диона можно считать характеристику, данную каждому принцепсу и включающую описание его взаимоотношений с членами семьи, передачу бесед личного характера, в том числе на политические темы. «Римскую историю» также отли-

чают стремление автора реконструировать последовательную очередность явлений, установить причинно-следственные связи между событиями. В этом отношении важно, что многие поступки участников политической игры, заслуживающие как порицания, так и одобрения, объясняются влиянием их жен.

Геродиан (кон. II в. – сер. III в.) – историк греческого происхождения. В «Истории императорской власти после Марка» автор вводит различные детали, касающиеся частной жизни императоров, сообщает о сестрах, женах и любовницах, приводит информацию о мотивах их поступков, в то же время очевидна склонность к морализаторству: Геродиан часто концентрируется исключительно на нравственной стороне того или иного действия.

Литературные памятники. Марк Валерий Марциал (I в. – нач. II в.) в «Эпиграммах» и Децим Юний Ювенал (2я пол. I в. – нач. II в.) в «Сатирах», используя остроумно-шутливые стихотворения, выражают свое отношение к современным для них явлениям, в том числе к попыткам римлянок закрепиться в политической сфере, к их появлению в публичных заведениях. Луций Анней Сенека (кон. I в. до н.э. – I в.) в трагедии «Октавия», трактате «О краткости жизни» сообщает об участии римских женщин в политических переворотах.

Элегии Публия Овидия Назона (I в. до н.э. – нач. I в.), адресованные жене, дочери, племяннице, позволяют составить представление о женских увлечениях и интересах. «Сатирикон» Петрония Арбитра (I в.) предоставляет сведения о ведении женщинами быта, об их повседневности. Сочинения «Две любви» Лукиана Самосатского (II в.) и «Метаморфозы» Луция Апулея (II в.), высмеивающие пороки римского общества, позволяют выявить отношение к определенным женским занятиям.

Энциклопедический характер носит работа Плиния Старшего (I в.) «Естественная история», факты из которой, отобранные в качестве примеров для подтверждения определенных идей, позволяют установить роль женщин в некоторых политических событиях.

Из **эпистолярных источников** следует отметить «Письма» Плиния Младшего (вторая пол. I в. – нач. II в.), где автор обсуждает со своими знакомыми события политической, культурной, частной жизни, в том числе имеющие отношение к деятельности римских женщин.

Среди **трудов ораторов** полезной в нашем исследовании оказалась работа Валерия Максима (I в.) «Достопамятные деяния и изречения», во многом носящая нравоучительный характер и позволяющая соотнести реальное поведение женщин с существовавшими моральными нормами.

Особо следует отметить **данные эпиграфики**, собранные в «Свод латинских надписей». Источник содержит сведения, в том числе восстановленные, по общественной и частной жизни Древнего Рима, включая происходящее в провинциях, от эпохи Республики до Империи.

Методы. Методологической основой исследования является принцип объективности, а также идея взаимосвязи и взаимообусловленности социальных и политических факторов исторического развития. Принцип объективности требует всестороннего изучения исторического явления с целью максимального приближения к объективной реальности¹. Следуя данному принципу, в ходе работы мы обращались к разнообразным историческим источникам, рассчитывая осветить политическую и общественную роль женщин с позиций различных авторов, прибегнув при этом к общенаучным методам анализа и сравнения.

Специфическую окраску исследованию придавал гендерный подход, сквозь призму которого рассматривались основные проблемы. Понятие «гендер» подразумевает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола². Следовательно, гендерная система отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям на основании принад-

---

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М., 1987. – С. 130.

² Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. - 2000. - № 4. - С. 124.

лежности к определенному полу, что было учтено нами при анализе информации о деятельности римлянок, составленной античными авторами – мужчинами.

Необходимо отметить историко-типологический метод, в котором реализуются задачи типологии. В основе типологии - упорядочение совокупности объектов на качественно определенные типы на основе присущих им общих признаков¹. В данной работе этот метод применен при попытке обозначить основные типы свойственных римским женщинам политических и общественных ролей.

Историко-сравнительный метод дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени². В нашем исследовании данный метод оказался полезен при сопоставлении сведений, характеризующих политическую и общественную деятельность женщин в различные хронологические периоды - принципата и «золотого века».

Кроме того, в работе использован метод комплексного анализа исторических источников, основанный на приемах внешней и внутренней критики, что позволяет нам определить информативную ценность каждого источника, выявить уровень объективности в изложении событий, а также установить степень достоверности зафиксированных данных.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в школьных курсах при изучении периода античности, для разработки факультативных занятий по римской или гендерной истории в гимназиях и лицеях соответствующего профиля.

Структура работы. Исследование включает в себя следующие структурные элементы:

введение;

---

¹ Ковальченко И.Д. Указ. соч. – С. 190.

² Там же. – С. 186.

главу «Политическая и общественная деятельность римских женщин в эпоху принципата», в рамках которой изучается роль женщин в политике на основе анализа их участия в мероприятиях, являвшихся неотъемлемой и весьма характерной частью властных отношений Рима, - заговорах и интригах, а также рассматриваются формы женской общественной деятельности;

главу «Женщины в политической и общественной жизни римского государства во II в.», где также раскрывается роль римлянок в политике и в социуме на примере обозначенных мероприятий, но в условиях несколько иной социально - политической обстановки, на что повлияли монархические тенденции, затронувшие систему власти;

заключение, в котором представлен сравнительный анализ авторских оценок в адрес политической и общественной активности женщин, их побудительных мотивов и собственно действий, посредством которых женщины самореализовались в данных сферах в различные исторические периоды;

приложения, где в формате таблиц представлены оценочные суждения римских авторов I в. до н.э. – II в. н.э. о женщинах – участницах заговоров и интриг.

Апробация результатов исследования осуществлялась в виде докладов на научно-исследовательских конференциях «Белгородский диалог – 2016, 2017, 2018», а также «Классическая и византийская традиция – 2016, 2017». Кроме того, результаты работы представлены в виде ряда публикаций¹.

---

¹ Анохина Е.В. Участие женщин в римской политике по данным Тацита и Диона Кассия // Классическая и византийская традиция. 2016. Материалы X научной конференции. – Белгород, 2016. – С. 57 – 62.; Анохина Е.В. Участие женщин в римской политике по данным Тацита и Светония // Белгородский диалог-2016. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов VIII Международного молодежного научного форума. Белгород, 7—9 апреля 2016 г. / отв. ред. А.И. Папков. – Белгород, 2016. – С. 26 – 29.; Анохина Е.В. Роль женщин в политических заговорах во II – первой трети III вв. // Белгородский диалог - 2017. Проблемы истории и филологии: сборник материалов IX Международного молодежного научного форума. - Белгород, 2017. – С. 35 – 39.; Анохина Е.В. Женщины в механизме римской интриги во II в. н.э. // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород, 2017. - С. 120-123.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИМСКИХ ЖЕНЩИН В ЭПОХУ ПРИНЦИПАТА

§1. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТАХ

Исследование роли женщин в политической жизни Рима невозможно без изучения такой формы прямой политической активности, как государственные перевороты, поэтому важный аспект исследования данного вопроса – установить, кто из женщин упомянут в числе участников, как освещается и оценивается их роль авторами источников, выявить мотивы участия женщин в данных мероприятиях.

Большинство словарей определяет государственный переворот как насильственное свержение или изменение государственного строя либо захват государственной власти¹. Следовательно, в условиях, когда полнота власти сосредоточена в одних руках, государственный переворот направлен против определенного лица – правящей особы. Традиционно считается, что основными участниками переворотов в Римском государстве являлись мужчины, а роль женщины ограничивалась семейными обязанностями, воспитанием детей², но конкретные примеры, приведенные в исторических источниках, показывают, что публичная сфера не была однозначно закрыта для женщин, более того, женщины, занимающие близкое положение к императору, имели значительно больше возможностей для осуществления подобных мероприятий.

Большой интерес у историков вызывают сведения, касающиеся судебного процесса над Юлией – дочерью Октавина Августа. Широко известно, что Юлии Старшей было предъявлено обвинение в прелюбодеянии с Антонием Юлом, о чем сообщает, например, Веллей Патеркул. В его «Римской

---

¹ Государственный переворот // Большой юридический словарь под ред. Борисова А.Б. – М., 2010 – С. 133.

² Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики // Народ и демократия в древности: доклады российской научной конференции. – Ярославль, 2011. – С. 181.

истории» Юлия предстает в качестве «распутной» и «разнузданной» женщины, которая «не упустила ничего из того, что может совершить или с позором претерпеть женщина», за что и была «сослана на остров, удалена от глаз отечества и родителей». А ее любовник, Антоний Юл «сам выступил отмстителем за собственное преступление», то есть покончил жизнь самоубийством (Vell. Pat., II, C). Более детальные сведения содержатся в «Жизни 12 цезарей». Светоний с некоторой долей сочувствия сообщает, что Юлия, хотя и была запятнана «всеми пороками» (Suet. Aug., 65, 1), все же понесла очень суровое наказание: в ссылке на острове ей было отказано в малейших удобствах, даже рабу запрещалось подходить к ней без разрешения императора (Suet. Aug., 65, 3). Подобная суровость поразила современников: «Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки; но о том, чтобы совсем ее простить, бесполезно было его умолять. В ответ на частые и настойчивые просьбы римского народа он только пожелал всему собранию таких же жен и таких же дочерей» (Suet. Aug., 65, 3).

Существуют различные точки зрения на проблему участия Юлии в перевороте. И.П. Портнягина полагает, что никакого заговора не планировалось вовсе. Исследователь утверждает, что у Юлии попросту не было достаточных мотивов: ее судьба обещала быть весьма благополучной. Детей Юлии прочили в наследники Октавиана Августа, то есть в недалеком будущем её ожидало завидное положение матери императора. Более того, образ Юлии, переданный античными авторами, совершенно лишен политической окраски: она предстает остроумной женщиной, при этом довольно веселой и легкомысленной, всегда окруженной обществом молодых людей¹. По мнению И.П.Портнягиной, именно обстоятельства сурового наказания Юлии за супружескую измену способствовали возникновению подозрений, будто за офи-

---

¹ Портнягина И.П. Юлия Старшая в контексте династической политики Октавиана Августа // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2009. – Вып. 8. - С. 260.

циальным обвинением скрывается нечто гораздо более серьезное, тем более что в римском обществе подобный поступок женщин не был чем-то непривычным и традиционно объяснялся свойственным им легкомыслием¹.

Однако Н.А. Чаплыгина утверждает, что в пользу политической основы принятых Августом мер по данному делу говорят сведения Тацита. Тацит ставит в вину Юлии и Антонию именно прелюбодеяние, тем не менее, упоминает, что пострадал не только любовник Юлии, но и его сын, совершенно к делу не причастный - Луций Антоний: «Ибо после того, как его отец Юл Антоний был наказан смертью за прелюбодеяние с Юлией, Август отправил его, еще совсем юного внука своей сестры, в город Массилию, где он пребывал в ссылке под предлогом, что проходит там обучение» (Тас. Ann., IV, 44). Только в 25 г., когда Луций Антоний скончался, его кости по решению сената были помещены в гробнице Октавиев. Подобная суровость также приводит к мысли о политической подоплеке в этой истории².

Дион Кассий подтверждает сообщения историков о ссылке Юлии на Пандатерию. Он также пишет, что Август уличил свою дочь «в распутном поведении» (Cass. Dio, LV, 10), за что и отдал ее на суд Сената. Но Дион, в отличие от других авторов, добавляет, что ее любовника, Антония Юла, казнили по совершенно другому обвинению - «в стремлении к царской власти»³. Более того, «его участь разделили и другие знатные люди, а остальные были сосланы на острова» (Cass. Dio, LV, 10). Очевидно, что по сведениям Диона, заговор действительно имел место, и мы можем предположить, что Юлия не оставалась безучастной.

В текстах других авторов содержатся уже прямые свидетельства против Юлии и Антония Юла. Плиний Старший, перечисляя все несчастья, омрачавшие жизнь императора Августа, упоминает в числе прочих «прелюбо-

---

¹ Там же. – С. 258.

² Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире. – М., 1995. – С. 125.

³ Шпет Т. Власть женщин в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. - 1994. – №6. - С. 260.

деяния дочери и ставшие явными замыслы его убийства» (Plin. N.h., VII, 149). Сенека также сообщает о «напастях», постигших Августа, подразумевая различные заговоры, в том числе с участием Юлии: «Пока он отодвигал границы за Рейн, Евфрат и Дунай, в самом городе на него точились кинжалы Мурены, Цепиона, Лепида, Эгнация и прочих. Не успел он избежать этой напасти, как новая повергает его, уже надломленного годами, в содрогание: на сей раз его собственная дочь и целый рой благородных юношей, которых прелюбодеяние связало крепче любой клятвы...» (Sen. De brevit. vitae, IV, 60).

Оценка деятельности Юлии данными авторами выглядит явно негативной (Прил. 1). По всей видимости, это определяется не способностями Юлии и не ее конкретными действиями в качестве заговорщицы, а теми фактами, что она, во-первых, запятнала свою женскую честь, а во-вторых, посмела поднять руку на собственного отца, к тому же заслужившего добрую славу. Установить, какие именно действия могли быть поручены Юлии при осуществлении переворота, не представляется возможным.

К числу подобных политических мероприятий, организованных женщиной – членом семьи принцепса и ее любовником, можно отнести заговор Мессалины. Вопрос об организации заговора и роли в этом Мессалины является дискуссионным. С одной стороны, выдвигается предположение, согласно которому первым этапом в осуществлении переворота стало официальное бракосочетание Мессалины и Гая Силия, совершенное, когда «Мессалине уже наскучила легкость, с какою она совершала прелюбодеяния, и она искала новых, неизведанных еще наслаждений» (Тас. Ann., XI, 26). Тацит указывает, что окружение принцепса прекрасно понимало: за подобным союзом скрываются политические мотивы и логично было бы предположить, что следующим шагом станет попытка захвата власти. «<...> Открыто выражали свое возмущение главным образом те, кто <...> боялся государственного переворота: пока ложе принцепса осквернял лицедей, <...> не существовало угрозы роковых потрясений; но теперь его место занял знатный молодой че-

ловец, которому прекрасная внешность, сила духа и предстоящее консульство внушают надежды на осуществление дерзновеннейших замыслов: ведь ни для кого не тайна, что должно последовать за подобным бракосочетанием» (Тас. Ann., XI, 28). Подобными опасениями делится и Нарцисс в личной беседе с Клавдием: «Или тебе неизвестно, что ты получил развод? Ведь бракосочетание Силия произошло на глазах народа, сената и войска, и, если ты не станешь немедленно действовать, супруг Мессалины овладеет Римом» (Тас. Ann., XI, 30). По мнению А.В. Коптева, речь Нарцисса показывает, что брак с Мессалиной был важен в политическом отношении: по какой – то причине ее муж имел преимущественные права на обладание титулом принцепса¹. Однако, на наш взгляд, каких-либо указаний, свидетельствующих, что Мессалина действительно намеревалась совершить государственный переворот, у Тацита нет. Клавдий, Нарцисс и другие приближенные стремятся скорее предупредить саму возможность подобного развития событий. П.А. Рузин также утверждает, что у Мессалины не было достаточных мотивов для совершения подобного деяния. В случае неудачи она рисковала потерять гораздо больше, чем приобрести в результате успешного осуществления планов².

По мнению П.А. Рузина, падение императрицы следует рассматривать в свете борьбы политических сил за влияние на принцепса³. Действительно, на основании разговора между Клавдием и Нарциссом, приводимого Дионом Кассием, мы можем предположить, что падение Мессалины и Силия стало результатом интриги, спланированной фаворитом, так как именно он обвинил новоявленных супругов в подготовке переворота: «Тогда Нарцисс, озабоченный по поводу Клавдия, сообщил тому через его сожительниц обо всем, что имело место, и, запугав его мыслью, что Мессалина идет к тому,

---

¹ Коптев А.В. Брак Гая Силия и Валерии Мессалины в изложении Корнелия Тацита. – Электрон. библиотека. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261575781>.

² Рузин П.А. Об интерпретации брака Валерии Мессалины и Гая Силия античной традицией и современными исследователями // Вестник Чувашского университета. - 2008. – № 1. - С. 109.

³ Там же.

чтобы убить его и поставить Силия в качестве правителя на его место, он убедил его схватить и подвергнуть пыткам многих лиц» (Cass. Dio, LX, 31).

Светоний также сообщает о бракосочетании Мессалины и Силия, совершенном «в заключение всех беспутств и непристойностей» этой женщины (Suet. Claud., 26, 2), более того, упоминает среди свидетелей самого Клавдия. «<...> На свадьбе Мессалины с ее любовником Силием [Клавдий] был в числе свидетелей, подписавших брачный договор: его убедили, будто это нарочно разыграно, чтобы отвратить и перенести на другого угрозу опасности, возвещенную ему какими-то знаменьями» (Suet. Claud., 29, 3). Однако никакой параллели между свадьбой и запланированным переворотом автор не проводит, более того, с осуждением отмечает, что заговор вызывает опасения только у самого Клавдия: «Даже пылкую его любовь к Мессалине заглушил <...> страх перед опасностью: он подумал, что она добивается власти для своего любовника Силия, и в жалком трепете бежал в лагерь...» (Suet. Claud., 36).

По мнению Ювенала, Мессалина, именуемая «блудной Августой» (Juv., II, 6, 119), и Гай Силий поплатились жизнями не за подготовку государственного переворота, а за совершение бракосочетания, на которое не имели права:

Родом патриций, — и вот влечется несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста: в саду у всех на глазах постилают
Ложу тирийским бельем, по обряду в приданое будет
Выдан мильон, и придут и жрец, и свидетели брака...
Думаешь, это секрет и доверено это немногим?
Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
В повиновенье откажешь — придется погибнуть до ночи;
На преступленье пойдешь — ты получишь отсрочку, покуда
Дело известное всем до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своем домашнем узнает последним (Juv., IV, 10, 331-342).

Таким образом, несмотря на тот факт, что в целом Мессалина удостоилась от авторов множества нелестных эпитетов за самые разные поступки (Прил. 1), ее намерение совершить политический переворот может быть подвергнуто сомнению.

В отличие от Юлии и Мессалины, женщиной с ярко выраженным личным мотивом предстает Агриппина Младшая. Светоний сообщает, что у Агриппины были серьезные основания опасаться утраты своего положения, так как Клавдий «к концу жизни начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона» (Suet. Claud., 43). Кроме того, император стал проявлять большее внимание к своему сыну Британику, что угрожало Нерону утратой статуса наследника власти. «Увидав Британика, он крепко обнял его, пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчет во всех делах...» (Suet. Claud., 43). Далее автор сообщает, что встревоженная этими событиями Агриппина, «которую уже не только собственная совесть, но и многочисленные доносчики обличали в немалых преступлениях» (Suet. Claud., 43), решилась «опередить» действия императора. Светоний приводит две версии, по одной из которых Агриппина стала организатором, а по другой – исполнителем переворота. «Умер он от яда, как признают все; но кто и где его дал, о том говорят по-разному. Одни сообщают, что сделал это евнух Галот, проверявший его кушанья за трапезой жрецов на Капитолии, другие – что сама Агриппина за домашним обедом поднесла ему отраву в белых грибах...» (Suet. Claud., 44, 2).

В рассказе Тацита подтверждается лишь одна версия, согласно которой Агриппина является организатором переворота, но действует чужими руками: «Агриппина <...> задумалась о том, какой вид яда ей следует применить... И она разыскивает понаторевшую в этих делах искусницу по имени Локуста... Мастерством этой женщины был составлен соответствующий яд; дал же его Клавдию евнух Галот, в обязанности которого входило приносить и отвеживать предназначенные для Клавдия кушанья» (Tac. Ann., XII, 66 - 67). Мотивация женщины остается прежней, но особое значение Тацит при-

писывает Нарциссу – фавориту императора, который, видимо, активно пропагандировал идею о передаче власти Британику, а не Нерону: «Нарцисс возлагал все упования на Британника и, простирая руки то к богам, то к нему самому, молился о том, чтобы он возможно скорее достиг зрелого возраста, чтобы, возмужав, низвергнул врагов отца и отмстил также убийцам матери» (Tac. Ann., XII, 65).

Дион Кассий, напротив, поддерживает вторую версию: о попытке Агриппины, которую, казалось, никакие почести «не могли удовлетворить» (Cass. Dio, LX, 33), лично отравить мужа. Более того, возможность для Нерона лишиться статуса наследника выглядит гораздо более реальной. Дион сообщает, что Клавдий вернул Британику положение при дворе и даже собирался официально передать ему престол: «Клавдий <...> разыскал <...> своего сына Британника, которого [Агриппина] долгое время намеренно держала подальше от его глаз.... Он <...> готовился положить конец ее власти, дав своему сыну мужскую тогу и объявив его наследником престола. Агриппина <...> поспешила предупредить что - либо подобное, отравив Клавдия... Приготовив <...> яд, чье действие было несомненным, она вложила его в одно растение, называемое грибами» (Cass. Dio, LX, 34).

Подтверждает сведения об отравлении Клавдия грибами, поданными Агриппиной, и Ювенал:

Низким друзьям подаются грибы сомнительных качеств,
Лучший же гриб — «самому», из тех, какие ел Клавдий,
Вплоть до гриба от жены, ибо после уже не обедал (Juv., I, 5, 146 - 148).
Право же, менее вредным был гриб Агриппины, который
Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься
Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба... (Juv., II, 6, 620-623).
Сенека также утверждает, что Клавдий пал жертвой Агриппины:
Кто среди волн и средь народов варварских
Был невредим, - пал, умерщвлен женой своей (Sen. Oct. 43-44).
Жена подносит мужу яд, потом сама

От рук сыновних гибнет (Sen. Oct. 165-166).

Марциал лишь намекает на то, что Клавдий был отравлен посредством яда в грибах, не называя при этом имен виновных:

Спятил ты, что ли, скажи? На глазах у толпы приглашенных

Ты шампиньоны один жрешь себе, Цецилиан.

Что же тебе пожелать на здоровье брюха и глотки?

Съесть бы тебе как-нибудь Клавдиев сладкий грибок! (Mart., I, 20)

Оценка деятельности Агриппины всеми авторами в целом выглядят негативной (Прил. 1), однако следует отметить, что в контексте рассмотренных событий она оценивается скорее не как политик, а как человек, который руководствуясь своими узкокорыстными, а не государственными интересами, совершил страшное преступление – убийство.

Кроме того, Светоний указывает, что Домициан пал жертвой политического переворота с согласия своей жены Домиции: «Снискав всем этим всеобщую ненависть и ужас, он погиб наконец от заговора ближайших друзей и вольноотпущенников, о котором знала и его жена» (Suet. Dom., 14). Подтверждает эти сведения и Дион Кассий: «По рассказам, о заговоре были осведомлены и Домиция, жена императора...». В тексте Диона появляется информация и о мотивах женщины, которая «всегда была предметом его [Домициана] ненависти и поэтому страшилась за свою жизнь...» (Cass. Dio, LXVII, 15). Обращает на себя внимание тот факт, что историки не приводят каких – либо оценок подобной деятельности Домиции. Возможно, это связано, с одной стороны, с тем, что она не запятнала свою женскую репутацию неблагоприятными проступками, следовательно, ее не в чем упрекнуть (на некое «распутство» и связь с Титом Светоний намекает лишь однажды (Suet. Tit., 26, 10, 2), а с другой - дело в деспотичных качествах самого императора, открыто угрожающего расправой своему окружению.

Принимать участие в государственных переворотах могли не только представительницы правящей фамилии. Так, Светоний упоминает о том, что Нерон «Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась

выйти за него замуж, казнил, обвинив в подготовке переворота» (Suet. Ner., 35,4). Конечно, данный фрагмент не содержит прямого указания на организацию заговора, но сам факт выдвинутого женщине обвинения свидетельствует о возможности подобного развития событий.

Более того, Дион упоминает, что в реальном заговоре против Нерона, последовавшем после известий о многочисленных казнях, совершенных без достаточных на то оснований (Cass. Dio, LXII, 27, 1), была задействована некая Эпихарида. По всей видимости, она входила как в число организаторов переворота, так и его непосредственных исполнителей: «Она участвовала в заговоре, и все его подробности были доверены ей без исключения...» (Cass. Dio, LXII, 27, 3-4). Не оценивая роль Эпихариды в дальнейших событиях, Дион особо отмечает стойкость этой женщины, которая находясь в заточении «не выдала ни одной [подробности], хотя была подвергнута пыткам всеми способами, какие способности Тигеллина могли изобрести» (Cass. Dio, LXII, 27, 3-4).

Несколько иные сведения предоставлены Тацитом. Он сообщает, что Эпихарида вошла в число заговорщиков под руководством Гнея Пизона, «неведомо как дознавшись об их замысле», более того, она поставила осуществление заговора под угрозу: женщина, недовольная бездействием своих сообщников, и, видимо, не посоветовавшись с ними, предпринимает попытку завербовать «видных начальников Мизенского флота», в числе которых - Валерий Прокул, который и составит донос Нерону (Tac. Ann., XV, 51).

Однако, как и Дион Кассий, Тацит отмечает, что Эпихарида, будучи схваченной, проявила небывалую храбрость: «Ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей, раздраженных тем, что не могли справиться с женщиной, не сломили ее и не вырвали у нее признания» (Tac. Ann., XV, 57). Более того, создается впечатление, что Тацит говорит об этой женщине с определенным восхищением: сопоставление ее поступков с поступками мужчин оказывается далеко не в пользу последних. «Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положении оберегавшая посторонних и ей почти неизвестных

людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорожденные, мужчины, римские всадники и сенаторы, не тронутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог» (Тас. Ann., XV, 57)¹.

Таким образом, исследуемые источники позволяют выявить и охарактеризовать различные роли, которые в государственных переворотах эпохи принципата играли женщины.

Во-первых, члены семьи принцепса, например, дочь Августа Юлия или жена Клавдия Валерия Мессалина, могли быть вовлечены в организацию данных мероприятий, рассчитывая передать власть своим любовникам.

Участие Юлии в заговоре однозначно отрицается Веллеем Патеркулом, подтверждается сведениями Диона Кассия, Плиния Старшего и Сенеки, информация же Светония и Тацита может быть истолкована двояко. Веллей Патеркул, Плиний и Сенека отрицательно оценивают деятельность Юлии, сосредотачиваясь на моральной стороне ее поступков: такие действия, как супружеская измена и убийство отца осуждаются как римским обществом в целом, так и отдельными авторами; при этом Светоний относится к женщине с некоторым сочувствием, обращая внимание на жестокость последовавшего наказания.

Роль Мессалины в государственном перевороте по – разному освещается историками: с одной стороны, на основании сведений Тацита выдвигаются предположения о ее намерениях в сговоре с любовником свергнуть принцепса, с другой, в тексте Диона присутствует указание на то, что супруга Клавдия и ее несостоявшийся сообщник сами стали жертвами интриги, организованной представителями другой политической группировки. По информации же Светония подозрение о попытке политического переворота основывается только на опасениях Клавдия. Ювенал вовсе отрицает причастность Мессалины к какому-либо заговору.

---

¹ Елагина А.А. Положение женщины в римском обществе I в. н.э. // Омский научный вестник. – Омск, 2006. – С. 17.

Во-вторых, женщины – члены императорской фамилии, руководствуясь личными мотивами, имели возможности для самостоятельной организации и даже исполнения государственных переворотов, как Агриппина Младшая или Домиция.

Светоний выдвигает две версии, согласно одной из которых Агриппина лично устранила Клавдия, отравив приготовленное для него блюдо, по другой стала заказчиком убийства, поручив исполнение слугам. Одна версия подтверждается сведениями Диона и Ювенала, другая – Тацита; Марциал лишь указывает на отравление как на свершившийся факт, не упоминая имен виновных. На основании информации Светония и Диона реконструируется мотив Агриппины: очевидно ее стремление не допустить перехода статуса наследника от Нерона к Британнику. Все авторы негативно оценивают деятельность Агриппины, указывая, как и в ситуации с Юлией Младшей, на аморальный характер ее поступков.

Дион Кассий и Светоний свидетельствуют, что в заговор против Домициана была вовлечена и его супруга Домиция. Показательно, что авторы воздерживаются от однозначной оценки в адрес женщины. Это может быть связано с тем, что в распоряжении авторов нет каких-либо фактов из биографии, отрицательно ее характеризующих, как это было в случае Юлии, более того, в рассказе Диона мотивом деятельности женщины выступает не личная нажива и не жажда власти, свойственные, например, Агриппине, а стремление предотвратить угрозу для своей жизни, исходящую от деспотичного Домициана.

В – третьих, женщины, не имевшие отношения к августейшей семье, становились членами заговорщических организаций на равных условиях с мужчинами, основываясь, видимо, на собственных представлениях о порядке и справедливости. При довольно ироничном тоне повествования Диона и Тацита о неудачной деятельности Эпихариды в составе заговорщиков, авторы, тем не менее, отдают дань уважения ее высоким морально-волевым качествам, проявленным в критический момент.

§2. ФУНКЦИИ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТРИГАХ

Изучение политической активности римских женщин предполагает обращение к тайной политике, одним из ярких проявлений которой является интрига. Важный аспект исследования данной проблематики – установить, кто из женщин упомянут в числе участниц, как освещается и оценивается их роль авторами источников, выявить причины участия женщин в политических интригах.

По мнению Д.В. Ольшанского, понятие интриги как формы тайной политики возникло именно в древнем Риме, государственная жизнь которого в значительной мере основывалась на данной форме политического участия¹. А.Б. Егоров утверждает, что термин «интрига» является производным от французского *intrigue*, в свою очередь, связанного с латинским глаголом *intricare* («ставить в трудное положение»). Под «интригой» понимаются скрытые, часто неблагоприятные, действия, применяемые для достижения определенных целей². Так, Тацит упоминает, что Агриппина «кознями и ухищрениями толкала Клавдия на ничем не оправданные жестокости» (Тас. Анн., XII, 59). Сенека, имея в виду поступки Агриппины, вопрошает:

Кто опишет козни льстивые,
преступные надежды, ковы женщины,
дорогою злодейств к престолу рвущейся? (Sen. Oct. 157-159)³.

Дион Кассий приводит информацию о действиях Агриппины «частично милостями, частично запугиванием», а также о заранее подготовленных людях из среды сената, народа, воинов, «высказывающих свое одобрение ее требованиям по всякому поводу» (Cass. Dio, LXI, 32).

---

¹ Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург, 2001. — С. 450.

² Егоров А.Б. Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории) // Политическая интрига и судебный процесс в античном мире. - СПб., 2015. - Вып. 2. — С. 187.

³ Цит. по: Шеховцова Е.Е. Проблема влияния детских впечатлений на поступки римских императриц // Ярославский педагогический вестник. - 2008. - № 3. — С. 139.

В более широком смысле, интрига – это заранее разработанная схема развития событий, основанная на переплетении, столкновении интересов, действий персонажей, особенностей обстоятельств¹. Анализируя механизмы, посредством которых реализуется политическая интрига, Д.В. Ольшанский утверждает, что обычно она является итогом политико-психологической игры, проводимой отдельными группировками или самостоятельными лидерами, которые стремятся привести течение событий к необходимому для них результату, одновременно создавая иллюзию неожиданного, внезапного развития этих событий². К числу таких сложных интриг, организованных римлянами, следует отнести мероприятия, направленные на устранение нежелательных для них наследников власти. Светоний утверждает: возможно, именно Ливия, рассчитывавшая на передачу Августом власти Тиберию, создала подложный приказ об убийстве его главного соперника – Агриппы Постума. Агриппу «убил приставленный к нему для охраны войсковой трибуны, получив об этом письменный приказ. Неизвестно было, оставил ли этот приказ умирающий Август, чтобы после его смерти не было повода для смуты, или его от имени Августа продиктовала Ливия...» (Suet. Tib., 22, 1). Следует отметить, что, несмотря на возможное участие Ливии в преступлении, автор не приводит каких-либо отрицательных оценок в ее адрес. В тексте Светония особо подчеркивается, что Ливия была женщиной, которую Август «как никого, любил и почитал до самой смерти» (Suet. Aug., 62, 2).

Тацит однозначно отвергает версию о том, что документ об устранении Агриппы мог быть подписан Августом, который, хотя и не был полностью доволен юношей, «однако никогда не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка» (Tac. Ann., I, 6). В то же время автор подтверждает заинтересованность Ливии в подобном развитии событий, утверждая, что и Тиберий стал соучастником интриги. «Скорее Тибери-

---

¹ Ольшанский Д.В. Указ. соч. — С. 449.

² Ольшанский Д.В. Указ. соч. — С. 450.

рий и Ливия — он из страха, она из свойственной мачехам враждебности — поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу» (Тас. Ann., I, 6). При этом у Тацита, даже в большей степени, чем у Светония, проявляется снисходительное отношение к поступкам Ливии. Она удостоена исключительно лестных характеристик, как порядочная жена, хорошая мать и просто благовоспитанная женщина: «Святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужу и в притворстве сыну» (Тас. Ann. V, 1). По замечанию Е.Е. Шеховцовой, в античных текстах положительная оценка часто встречается в отношении тех женщин, которые, помимо всего прочего, занимались домашней работой, были верными супругами и твёрдо хранили древние добродетели римского народа. Очевидно, по мнению Тацита, такой женщиной и была Ливия Друзилла¹.

Если Светоний высказывал сомнения по поводу причастности Ливии к убийству Агриппы Постума, а Тацит отвергал единоличное участие женщины в преступлении, возлагая ответственность за него в равной мере и на Тиберия, то Дион называет информацию о каком – либо вмешательстве Ливии ничем не подтвержденными слухами. Автор утверждает, что их распространению способствовал Тиберий с целью скрыть имя истинного виновника злодеяния, так как исключительно он сам отдавал приказания, приведшие к известному результату: «В действительности [Тиберий] немедленно послал из Нолы, чтобы казнили Агриппу. Он объявил, правда, что это было сделано не по его приказу <...>, но позволил людям измышлять собственные толкования этого дела, <...> что это Август решил погубить Агриппу прямо перед своей смертью, другие — что центурион, охранявший его, убил его по собственному побуждению <...>, а третьи, что это Ливия <...> отдала приказ о его смерти» (Cass. Dio, LVII, 3). Дион также приводит сведения о добродетелях

---

¹ Шеховцова Е.Е. Римские императрицы в освещении античных авторов // Ярославский педагогический вестник. - 2005. - №1. - С. 25.

Ливии, упоминая, в частности, ее целомудрие – важную составляющую образа добропорядочной римлянки, и невмешательство в дела мужа, подразумевая, видимо, и дела политические: «Когда кто-то спросил ее, как и каким путем она приобрела столь сильное влияние на Августа, она ответила, что, будучи самою во всем более целомудренной, делая с удовольствием все то, что радовало его, и не вмешиваясь ни в какое из его дел...» (Cass. Dio, LVIII, 2).

Таким образом, оценки в адрес Ливии как возможного организатора интриги нивелируются ее характеристиками как добропорядочной женщины – хранительницы домашнего очага, верной жены и любящей матери (Прил. 1).

Подобную политическую игру могла вести и Валерия Мессалина. Светоний сообщает о слухе, по его мнению, правда, маловероятном, якобы она наняла людей для убийства маленького Нерона, опасаясь, что в будущем он станет соперничать за власть с ее сыном Британиком. «Ходил даже слух, будто Мессалина, жена Клавдия, видя в нем соперника Британику, подсылала убийц задушить его во время полуденного сна. Добавляли к этой выдумке, будто бы с его подушки навстречу им бросился змей, и они в ужасе убежали» (Suet. Ner., 6,4). Возможно, подобные сведения действительно не имеют под собой реальных оснований, тем более что никто из других античных авторов их не подтверждает.

Женщины выступали не только как непосредственные организаторы интриг, но и как исполнительницы чужих планов. Так, Тацит сообщает, что Сеян, достигший положения второго лица в Римской республике, планировал государственный переворот, опираясь на воинские подразделения. Однако осуществлению заговора препятствовало наличие большого количества наследников, имевших шансы занять должность принцепса после смерти Тиберия. Против возможных наследников Сеян и начинает плести интриги. Первой мишенью становится Друз – сын Тиберия, к которому временщик питал особую неприязнь, «ибо Друз <...> в разгаре случайно возникшего между

ним и Сеяном спора поднял на него руку...» (Тас. Ann., IV, 3). Для осуществления интриги Сеян решает воспользоваться помощью Ливиллы, предварительно сделав ее своей любовницей и уговорив стать соучастницей в убийстве: «<...> Сеян пришел к выводу, что вернее всего подступиться к жене Друза Ливии... Изобразив, что воспылал к ней любовью, он склонил ее к прелюбодеянию и, принудив к этому первому постыдному шагу, внушил ей желание соединиться с ним в браке, стать его соправительницей и умертвить мужа...» (Тас. Ann., IV, 3). Примечательно, что преступление Ливиллы рассматривается автором как следствие ее недостойного поведения. В оценке Тацита нравственное падение влечет за собой цепочку иных преступлений, и та легкость, с которой женщина решилась на убийство, уже не кажется удивительной. Автор восклицает, что «...потерявшая целомудрие женщина ни в чем не отказывает!» (Тас. Ann., IV, 3). Тацит осуждает Ливиллу как за супружескую измену, так и за ее политические намерения, утверждая, что своими поступками она навлекла позор на всю семью: «И она, чей дядя был Август, свекор – Тиберий, и у которой были дети от Друза, осквернила себя, а также предков и потомков своих связью с любовником из муниципия, в ожидании преступного и неверного взамен почетного и того, чем она прочно владела» (Тас. Ann., IV, 3).

Дион Кассий приводит сведения о конфликте между Сеяном и Друзом, который и становится основной причиной интриги. «Кажется, что Сеян, зазнавшийся от собственного могущества, <...> обратился против Друза и как-то ударил его кулаком. Это дало ему основания бояться, как Друза, так и Тиберия...» (Cass. Dio, LVII, 22). Дион подтверждает любовную связь между Ливиллой и Сеяном, настаивая при этом на искренности их отношений. По его сведениям, Сеян выстраивал свои планы с тем расчетом, что «он сможет жениться на Ливилле <...>, к которой испытывал страсть...» (Cass. Dio, LVII, 22). В рассказе Диона, как и Тацита, исполнителем задуманного предстает женщина: «[Сеян] дал яд при посредстве его служителей и жены Друза <...>, ведь Сеян был ее любовником» (Cass. Dio, LVII, 22).

Светоний также сообщает о назревавшем заговоре, организатором которого должен был выступить Сеян, предварительно добившийся высочайшего положения в государственных структурах и широкого народного почтения (Suet. Tib., 65). Доподлинно неизвестно, была ли интрига против Друза частью готовившегося переворота, но автор подтверждает: Ливилла вступила в сговор с Сеяном (об их любовной связи вообще не упоминается) и расправилась с Друзом Младшим, отравив его. «Сначала [Тиберий] думал, что Друз погиб от болезни и невоздержанности; но когда он узнал, что его погубило отравой коварство жены его Ливиллы и Сеяна, то не было больше никому спасенья от пыток...» (Suet. Tib., 62).

Таким образом, в передаче античных авторов Ливилла действует скорее в интересах своего любовника, а ее политическая деятельность оценивается в контексте морально – нравственных установлений (Прил. 1).

Женщины также были замешаны в интригах, связанных с созданием ложных ситуаций. Светоний повествует о казни Аппия Силана, подстроеной Мессалиной и Нарциссом. Предварительно сговорившись, они подготовили почву для интриги, пересказав Клавдию свои «сны», в которых Силан готовит покушение на принцепса, а затем инсценировали и само нападение. «Уничтожить его сговорились Мессалина и Нарцисс, поделив роли: один на рассвете ворвался в притворном смятении в спальню к хозяину, уверяя, будто видел во сне, как Аппий на него напал; другая с деланным изумлением стала рассказывать, будто и ей вот уже несколько ночей снится тот же сон; а когда затем по уговору доложили, что к императору ломится Аппий, которому накануне было велено явиться в этот самый час, то это показалось таким явным подтверждением сна, что его тотчас приказано было схватить и казнить» (Suet. Claud., 37, 2).

Из рассказа Диона мы узнаем о причине подобного развития событий: Силан отказался стать любовником Мессалины, в оценке автора, «самой распутной и похотливой из женщин», и «этим пренебрежением, проявленным к ней, испортил отношения с Нарциссом...» (Cass. Dio, LX, 14). Непосредст-

венным организатором интриги выступает Нарцисс, а Мессалина вступает в игру лишь в качестве вспомогательной силы. «Нарцисс придумал сон, о котором заявил, что будто бы видел Клавдия, убитого рукой Силана; затем рано утром, когда император еще находился в постели, весь дрожа, он сообщил ему о своем сне, а Мессалина, подхватив эту тему, преувеличила его значение» (Cass. Dio, LX, 14).

Тацит также сообщает о том, что Нарцисс «подстроил расправу над Аппием» (Tac. Ann., XI, 29), не упоминая при этом о роли Мессалины. Впрочем, по мнению исследователей, более подробный рассказ о гибели Силана содержался в ныне утраченной части «Анналов»¹.

Обращает на себя внимание удивительная доверчивость Клавдия, из-за которой он и попал в сети интриги, расставленные Мессалиной и Нарциссом. Т. Шпет отмечает, что Клавдий в ряде сообщений античных историков представлен как внушаемый человек с ограниченными умственными способностями, более того, он «игрушка» в руках своих жен – сначала Мессалины, потом Агриппины². По мнению К. Эдвардс, к анализу подобных эпизодов следует подходить с осторожностью в связи с тем, что римская аристократия, желая выразить свое недовольство принципсом, часто фокусировала внимание на его подверженности влиянию представительниц прекрасного пола, так как лучший способ подорвать авторитет императора это высмеять его за то, что он находится под управлением женщины, будь то коварная жена или властная мать³.

Разновидностью ложной ситуации можно назвать привлечение к суду без реальных на то оснований, организованное женщиной, или создание доносов. По данным Тацита, Мессалина добивалась смертных приговоров в отношении персон, имущество которых требовалось подвергнуть конфискации.

---

¹ Бобович А.С. Примечания // Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. - М., 1993. – Т.1. – С. 147.

² Шпет Т. Указ. соч. – С. 257.

³ Edwards C. Women and Power: The Empresses of Ancient Rome. – Электрон. дан. - URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4jflWp2sbv2J1xcHq6pKN3J/women-and-power-the-empresses-of-ancient-rome>.

Так, она захватила сады Валерия Азиатика, дважды занимавшего должность консула, после того как погубила его ложными обвинениями в «развращении воинов» (Тас. Ann. XI, 1-2)¹. Тацит также приводит сведения о предъявлении ложных обвинений Агриппиной Статилию Тавру, который славился «своим богатством», с целью овладеть его садами (Тас. Ann., XII, 59). «Беспощадная в ненависти», по оценке Диона, она направила свой гнев и против женщин, по отношению к которым испытывала чувство ревности: было подстроено обвинение по ложному доносу в адрес Лоллии, «потому что та была женой Гая и тешила себя надеждой стать супругой Клавдия» (Cass. Dio, LX, 32)², и Кальпурнии, «поскольку Клавдий когда-то восхищался ее красотой и хвалил ее» (Cass. Dio, LX, 33).

Зачастую женщины становились участницами интриг, передавая ценные в политическом отношении сведения. По данным Светония, Август встречался с чужими женами, стремясь заранее узнать о намерениях оппонентов: «Что он жил с чужими женами, не отрицают даже его друзья; но они оправдывают его тем, что он шел на это не из похоти, а по расчету, чтобы через женщин легче выведывать замыслы противников» (Suet. Aug., 69). Дион Кассий подтверждает информацию об использовании женщин в политической разведке. Организатором интриг выступает Сеян, который, подобно Августу, вступает в отношения с женщинами с целью получения необходимых ему сведений: «Сеян выдвинул ложное обвинение также против Друза посредством жены последнего. Ибо, поддерживая незаконные отношения с женами почти всех видных людей, он знал то, что их мужья говорили и делали...» (Cass. Dio, LVIII, 3). Кроме того, Дион упоминает, что, помимо шпионажа, Сеян использовал связь с женщинами и для достижения каких-то иных целей. Так, он «делал их орудиями своих преступлений, обещая жениться на них» (Cass. Dio, LVIII, 3).

---

¹ Шеховцова Е.Е. Проблема влияния детских... – С. 139.

² Шеховцова Е.Е. Проблема влияния детских... – С. 139.

Светоний также сообщает, что зачастую женщина превращалась в орудие для осуществления собственных планов в руках честолюбивых мужчин. Например, Калигула, преследуя цель приблизиться к префекту преторианских когорт Макрону, вступает в любовную связь с его женой Эннией. «Гай все больше получал надежду на наследство. Чтобы еще крепче утвердиться в ней, он, после того как Юния умерла в родах, обольстил Эннию Невию, жену Макрона, стоявшего во главе преторианских когорт... Через нее он вкрался в доверие к Макрону...» (Suet. Caligula, 12).

По Тациту, напротив, Макрон выступил организатором интриги, подстроив связь Калигулы с собственной женой, надеясь таким способом как можно дольше удерживать власть в своих руках. «К этому времени Макрон достиг вершины своего могущества; <...> после смерти Клавдии, о браке которой с Гаем Цезарем я сообщил выше, побудил свою жену Эннию прельстить юношу, изобразив страстную влюбленность в него, и связать его обещанием жениться на ней, а тот ни от чего не отказывался, лишь бы добиться владычества...» (Tac. Ann., VI, 45).

По мнению Е.С. Данилова, привлечение женщин к политической разведке может быть обосновано несколькими причинами: слабостью мужчин перед женскими чарами, готовностью представительниц женского пола рисковать или же невозможностью в конкретный момент использовать иные источники информации¹. Сами античные авторы не выражают прямо своего отношения к римлянкам, замешанным в подобных мероприятиях, но следует отметить, что поведение женщин в рассмотренных ситуациях явно не соответствовало традиционным римским представлениям о добродетельных матронах, которым присущи целомудрие и благожелательность².

Таким образом, с одной стороны, интрига может рассматриваться как какой-либо скрытый, неблагоприятный поступок политического деятеля, направленный на достижение необходимой цели. В произведениях Тацита и

---

¹ Данилов Е.С. Роль римских женщин в военной и политической разведке: от республики к империи // Частное и общественное: гендерный аспект. – М., 2011. – Т. 1. – С. 26.

² Там же. – С. 25.

Сенеки подобные поступки, совершаемые Агриппиной, именуются «кознями» и «ухищрениями», в рассказе Диона фигурируют «милости» и «запугивания».

С другой стороны, под интригой понимается развитие событий по заранее подготовленной определенными лицами схеме. Роли женщин в подобных интригах могут быть классифицированы следующим образом.

Во-первых, женщины выступали организаторами мероприятий, направленных на устранение нежелательных для них наследников власти. Показательна в этом отношении ситуация, связанная с гибелью Агриппы Постума. Если по данным Светония главным действующим лицом в анализируемых событиях представляется либо Ливия, либо находящийся на смертном одре Август, в изложении Тацита ответственность ложится на Ливию и Тиберия, то Дион совершенно отвергает информацию о причастности Ливии к смерти молодого человека. Вызывают интерес оценки женщины авторами: историки в большей степени акцентируют внимание на качествах, характеризующих Ливию как добропорядочную матрону, а не как политика или соучастницу преступления. Светоний указывает на уважительное отношение к Ливии со стороны Августа, чей авторитет непререкаем, Тацит, дополняя сведения о причинах подобного обращения, отзываясь о ней как о любящей матери и прекрасной жене, Дион соглашается с информацией Тацита, но настаивает еще и на ее невмешательстве в дела супруга, тем самым сводя к нулю политическую деятельность женщины.

Обратим внимание, что женщины могли быть вовлечены в подобную интригу с целью выполнения чужих планов. Авторы сходятся во мнении об участии Ливиллы в интриге Сеяна, направленной против Друза как возможного наследника. В изображении Тацита Сеян, притворившись влюбленным в женщину, подталкивает ее к убийству супруга с целью устранения соперника в борьбе за власть, Дион настаивает на искренности их отношений и, следовательно, выгоды необходимости устранения принцепса еще и по причине невозможности заключения брака, Светоний же вовсе не упоминает

о любовной связи между сообщниками. Примечательно, что Тацит крайне негативно отзывается о подобной деятельности Ливиллы, ставя ей в вину, с одной стороны, супружескую измену, с другой, непосредственное участие в интриге, ставшее следствием ее морально-нравственного падения и навлекшее позор на всех членов семьи, представительницей которой она являлась. Другие авторы воздерживаются от оценок в адрес женщины, возможно, отдавая должное тому факту, что Ливилла действовала не самостоятельно, а в значительной степени находилась под давлением мужчины, выступавшего руководителем в данном мероприятии.

Во – вторых, женщины становились участницами интриг, связанных с созданием ложных ситуаций. Светоний и Дион Кассий сообщают о сговоре Мессалины и Нарцисса, результатом которого стало необоснованное обвинение Аппия Силана в подготовке переворота. По данным Диона, причиной устранения Силана послужил его отказ вступить в интимную связь с Мессалиной. Тацит сообщает о ложном обвинении, подстроенном Агриппиной из корыстных интересов, Дион указывает на составление доносов против женщин, представлявших опасность для ее положения своей близостью к принцепсу.

В-третьих, по данным Светония и Диона, женщины становились участницами интриг, передавая ценные в политическом отношении сведения. Кроме того, Светоний сообщает о вступлении Калигулы в связь с Эннией, женой префекта преторианских когорт Макрона, с целью приблизиться к ее мужу. Тацит, в этом случае, настаивает на том, что связь была подстроена самим Макроном, рассчитывавшим таким способом оказывать влияние на Гая. Авторы не приводят оценок разведывательной деятельности женщин, но, по мнению исследователей, подобные поступки априори не могут быть оценены положительно, так как вступают в противоречие с римскими представлениями о женских добродетелях.

§3. ФОРМЫ ЖЕНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение роли женщин в общественной жизни Рима предполагает анализ форм их участия в данной сфере. Важный аспект исследования обозначенной проблематики – установить, как освещается и оценивается деятельность римлянок античными авторами, выявить отношение общества к женским занятиям.

Традиционно уважительным в Риме было отношение к представительницам прекрасного пола, занимавшимся делами домашнего хозяйства. В «Сатириконе» Петрония одна римлянка в разговоре с подругами «хвасталась хозяйственностью и домовитостью...» (Petr. Sat., 67), что, видимо, было предметом особой гордости для женщин. М.А. Сергеевко отмечает, что римская девушка с ранних лет училась обращаться с прялкой и ткацким станком, более того, умение прясть и ткать считалось женской добродетелью даже в аристократических кругах¹. Вероятно, Юлия Младшая, Ливия и другие члены семьи Августа проводили много времени за домашней работой, приготавливая пряжу², так как сам принцепс «одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками» (Suet. Aug., 73).

Кроме того, из эпиграмм Марциала мы узнаем, что часть свободного времени женщины, не покидая пределов собственного дома, посвящали литературе:

Все там читают меня — старики, молодежь и подростки,
И молодая жена с мужем суровым вдвоем (Mart., VII, 88).

Женщины из высшего общества также присутствовали при декламациях. Н.А. Чаплыгина приводит сообщение Светония о чтении «Энеиды» Вергилием в доме Августа, причем среди слушателей находилась Октавия Младшая: «Когда работа уже была завершена, Вергилий прочел ему только три книги, вторую, четвертую и шестую: эта последняя произвела сильнейшее впечатление на Октавию, <...> говорят, что она, услышав стихи о своем

---

¹ Сергеевко М.Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. – М. – Л., 1964. – С. 192.

² Шеховцова Е.Е. Римские императрицы... – С. 26.

сыне – «ты бы Марцеллом был!» - лишилась чувств, и ее с трудом привели в сознание» (Suet. Verg., 32)¹.

По замечанию Е.Е. Шеховцовой, представительницы высших кругов римского общества пробовали себя в литературной деятельности. Она обращает внимание на фрагмент из Тацита, указавшего, что Агриппина Младшая оставила некие «записки», которые, он использовал при написании своего исторического труда: «Об этом случае, не упомянутом составителями анналов, я узнал из записок Агриппины - дочери, в которых мать принцепса Нерона рассказала потомкам о своей жизни и о судьбе своих близких» (Tac. Ann., IV, 53)². М.Е. Сергеенко отмечает, что читал эти «Записки» и Плиний Старший, назвавший их среди источников, к которым он апеллировал при написании VII книги «Естественной истории»³.

Н.А. Чаплыгина утверждает, что женщины всерьез занимались не только прозой, но и поэзией. Так, при анализе одной из элегий Овидия становится ясно, что Перилла (возможно, его падчерица) сочиняла стихотворения:

Страх, Перилла, оставь, но только своими стихами

Женщин не совращай и не учи их любви (Ovid. Tris., III, 7)⁴.

Е.Е. Шеховцова полагает, что античные авторы в целом нейтрально относятся к литературной деятельности женщин⁵. Но при анализе текста Овидия обращает на себя внимание тот факт, что пристрастие Периллы к поэтическому творчеству вступает в противоречие с традиционными представлениями о женских увлечениях, возможно, все еще распространенными среди представителей старшего поколения:

Ты не забыла ль, спроси, наших общих занятий? Ученым

Все ли стихам предана нравам отцов вопреки? (Ovid. Tris., III, 7).

---

¹ Чаплыгина Н.А. Указ. соч. – С. 116.

² Шеховцова Е.Е. Римские императрицы... – С. 24.

³ Сергеенко М.Е. Указ. соч. – С. 194.

⁴ Чаплыгина Н.А. Указ. соч. – С. 115.

⁵ Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в Римской империи: постановка проблемы в аспекте методологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2008. - № 6. – С. 316.

Тем не менее, сам Овидий проявил готовность вступить в конфликт с «нравами отцов» и оказывал всяческую поддержку поэтическим начинаниям девушки:

Часто, бывало, ты мне, я тебе, что напишем, читали.

Был для тебя и судьей, был и наставником я.

Я со вниманьем стихи, сочиненные только что, слушал,

Слабые встретив, тебя я покраснеть заставлял (Ovid. Tris., III, 7).

В рамках общественной жизни женщины имели возможность устраивать званые обеды, но, видимо, только с позволения мужчины. По сообщению Тацита, Ливия «пожелала дать пир сенату и всадникам вместе с их женами», однако вследствие того, что затея не была одобрена Тиберием, у которого складывались не простые отношения с матерью, «не она принимала мужчин за обедом, вместо этого он угощал мужчин, а она — женщин» (Cass. Dio, LVII, 12). При этом Валерий Максим отмечает, что в совместном принятии пищи мужчинами и женщинами ничего предосудительного нет. «Женщины обычно садятся обедать с возлежащими за столом мужами. Этот обычай возник от единения людей с божественным началом, ибо на обеде у Юпитера сам он возлежал на ложе, а Юнона и Минерва сидели в креслах» (Val. Max., II, 1.2). К тому же в эпоху Августа окончательно устанавливается норма, согласно которой женщинам разрешается не только сидеть, но и возлежать за обедом вместе с мужчинами¹.

Другие авторы подтверждают информацию о возможности посещения женщиной пира в качестве гостыи. Светоний свидетельствует, что Калигула устроил множество «роскошных угощений для сенаторов и всадников и даже для их жен и детей. При втором угощении он раздавал вдобавок мужчинам нарядные тоги, а женщинам и детям красные пурпурные повязки» (Suet. Cal., 17). Тацит сообщает о пире Тигеллина, отмеченном «народной молвой», когда «на берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами» (Tac. Ann., XV, 37). По всей видимости, участие знатных рим-

---

¹ Чаплыгина Н.А. Указ. соч. – С. 113.

лянок в подобных мероприятиях не противоречило традиционным представлениям о женской порядочности, поэтому не вызвало у авторов каких-либо нареканий.

Покидая пределы своего дома, женщины имели возможность влиться в общественную жизнь Рима, посетив какое-либо публичное заведение. Популярностью среди представительниц прекрасного пола из высшего общества, очевидно, пользовался театр, о чем мы узнаем из сообщения Тацита: «В дни публичных игр <...> Лепида, появившись в театре в сопровождении знатных женщин...» (Тас. Ann., III, 23). Подтверждает информацию о посещении женщинами театра и Светоний, упоминая, что в период правления Нерона, «когда он пел, никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре...» (Suet. Nero, 22). Более того, Светоний сообщает, что женщины могли присутствовать на представлениях не только как зрительницы, но и выходили на сцену в качестве актрис: «На представлениях, которые [Нерон] учредил во имя вечности империи и назвал Великими играми, в комедиях выступали мужчины и женщины из высших сословий...» (Suet. Nero, 11). Как известно, в римскую эпоху в составе актерских трупп женщин не было вообще, все роли исполнялись мужчинами¹, поэтому, возможно, подобное новшество было связано исключительно с личностью Нерона, предпочтения которого отличались своей неординарностью, но проводились в жизнь под давлением занимаемого им положения. Косвенно подтверждают данную гипотезу слова Светония о том, что «на юношеских играх [Нерон] заставил выступить даже стариков сенаторов и престарелых матрон» (Suet. Nero, 11).

С одной стороны, посещение театральных представлений женщинами не вызывает негатива у античных авторов, с другой, осуждается их желание продемонстрировать себя, вызвать интерес у окружающих, о чем свидетельствует Овидий:

Модные женщины так на модные зрелища рвутся:

---

¹ Головня В.В. История античного театра. - М., 1972. – С. 384-385.

Толпы красавиц текут, в лицах теряется глаз.

Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них посмотрели, —

Вот где находит конец женский и девичий стыд (Ovid. Ars., I, 97-100).

Женщины, не занимавшие высокого социального положения, проводили свободное время в цирке. Светоний сообщает, что Август, видимо, стремившийся ограничить появление женщин на подобных мероприятиях, «женщинам даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами» (Suet. Aug., 44). Тацит с некоторым осуждением упоминает об интересе к подобным зрелищам со стороны не только жительниц Рима, но и провинциальных женщин: «Некто Атилий, <...> взявшись за постройку в Фидене амфитеатра, чтобы давать в нем гладиаторские бои, заложил фундамент его в ненадежном грунте и возвел на нем недостаточно прочно сколоченное деревянное сооружение... И вот туда стеклись жадные до таких зрелищ мужчины и женщины» (Tac. Ann., IV, 62).

Более того, авторы сообщают о случаях участия женщин в гладиаторских сражениях. Светоний указывает, что Домициан «травли и гладиаторские бои показывал даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины, но и женщины» (Suet. Dom., 4). О распространении подобной практики в саркастической манере сообщает и Марциал:

О поражении льва в обширной долине Немей,

О Геркулесовом встарь подвиге пела молва.

Пусть замолчит стародавняя быль: такое же чудо,

Цезарь, ты дал совершить ныне и женской руке (Martial. Liber de Spectaculis, 6).

Возможно, для некоторых женщин выход на арену становился профессией. Так, Петроний в «Сатириконе» упоминает, что у некоего Тита «есть несколько парней, и женщина – эсседария...» (Petr. Sat., 45), видимо, приносящие ему определенный доход. Эсседарий – это гладиатор, который стреляет

из лука, стоя в колеснице¹. Очевидно, что заниматься подобной деятельностью, не пройдя при этом предварительной подготовки, невозможно. Однако автор не упоминает о том, была ли женщина рабыней, либо она согласилась на эту работу для получения заработка. Есть указания и на другие типы гладиаторского вооружения, распространенные среди женщин. Так, В.А. Горончаровский сообщает о хранящемся в Британском музее рельефе, обнаруженном в Малой Азии, где представлены сражающиеся женщины — Амазонка и Ахиллия — в вооружении мирмиллонов, которые традиционно сражались обнаженным по пояс, а отличительной чертой экипировки был особый шлем².

По замечанию, В.А. Горончаровского, причина появления женщин на арене кроется в том, что каждый новый принцепс стремился всячески привлечь на свою сторону симпатии толпы, жаждавшей новых зрелищ, следовательно, необходимо было изобрести нечто необычное, чего раньше никогда не было³. Такой новинкой и стало появление гладиатрис. Однако, если они и пользовались популярностью у народа, то Тацит с явным осуждением пишет о случаях сражений между знатными женщинами в правление Нерона: «Этот год также отмечен устройством гладиаторских игр <...>; но при этом еще большее число знатных женщин и сенаторов запятнало себя выходом на арену» (Тас. Ann., XV, 32).

Как отмечает Е.Е. Шеховцова, в текстах античных авторов отрицательная характеристика применяется к женщинам, посягнувшим на исключительно мужскую деятельность, как, например, это делала Ливия, участвовавшая в тушении пожара⁴, о чем свидетельствует Светоний. Тиберий «не раз увещевал ее не вмешиваться в важные дела, которые женщинам не к лицу, — в особенности, когда он узнал, что при пожаре близ храма Весты она, как бывало при муже, сама явилась на место происшествия и призывала народ и

---

¹ Горончаровский В.А. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. — СПб., 2009. — С. 96-97.

² Горончаровский В.А. Указ. соч. — С. 88.

³ Там же. — С. 40.

⁴ Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в Римской... — С. 317.

солдат действовать проворнее» (Suet. Tib., 50). Однозначно осуждается историками вмешательство женщин в военные учения, протекающие в провинции. По сообщению Тацита, Планцина «не держалась в границах того, что прилично для женщин, но присутствовала на учениях всадников, на занятиях когорт...» (Tac. Ann., II, 55). Видимо, отрицательным было отношение к подобной деятельности женщин как в широких общественных кругах в целом, так и во властной среде. Дион Кассий сообщает о начавшемся судебном процессе против Кальвисия Сабина, бывшего наместника в Паннонии, так как его жена Корнелия «проверяла часовых и наблюдала за упражнениями солдат...» (Cass. Dio, LIX, 18).

Возможно, в провинции женщины чувствовали себя более свободно, в связи с чем и нарушали установленные правила относительно обращения с войсками, стремились создать вокруг себя разного рода объединения и принять участие в каких – либо сделках, что мы можем предположить на основании сведений Тацита. Историк сообщает о предложении, поступившем со стороны Цецины Севера, запретить магистратам, уезжающим в провинцию, брать с собой жен, так как «всякий раз, когда происходят осуждения за лихоимства, в большей части преступлений бывают повинны жены; вокруг них тотчас же собираются худшие люди провинции; женщины предпринимают и совершают всевозможные сделки. Торжественные встречи устраиваются обоим, существуют два претория... <...> [Женщины] норовят распорядиться не только дома и на форуме, но и в войсках» (Tac. Ann., III, 33).

Напротив, формой общественной деятельности, заслуживавшей не порицание, а одобрение, была благотворительность на нужды культуры. О возможности участия в градостроительстве со стороны женщин свидетельствует Светоний, когда сообщает, что Август, не желая афишировать вложение денежных средств от своего лица, «некоторые здания построил от чужого имени <...> жены и сестры – например <...> портики Ливии и Октавии...» (Suet. Aug., 29, 4). Порттик Октавии при театре, носившем имя ее сына Марцелла,

упоминает Овидий, утверждая, что по личному настоянию сестры Августа он был украшен мрамором:

Ты лишь пройдишь, не спеша, под Помпеевой свежеею тенью
В дни, когда солнце стоит над Геркулесовым Львом,
Или же там, где щедротами мать померялась с сыном,
Мрамором из-за морей пышно украсив чертог (Ovid. *Ars Amat.*, I, 69).

По мнению Д. Гуревич и М. Рапсат – Шарлье, покровительницы были и у римских поэтов, например, Аргентария Полла, которую именно по этой причине Марциал в одной из своих эпиграмм именуется «царицей»:

Коль попадутся тебе наши книжки, Полла-царица,
Шутки читая мои, лба своего ты не хмурь (Martial. X, 64, 1 – 2)¹.

Таким образом, формы участия женщин в общественной жизни Рима периода принципата можно условно разделить на приватные, связанные с ее семьей и домом, а также публичные, предполагающие посещение различных городских заведений и активное взаимодействие с обществом.

К числу традиционных умений, которыми должна была овладеть благовоспитанная римлянка, Петроний относит ведение домашнего хозяйства, что согласуется с данными Светония, который упоминает более конкретные занятия - ткачество и прядение.

Отношение авторов (Светония и Марциала) к увлеченности женщинами чтением или слушанием декламаций является достаточно нейтральным. В то же время Тацит и Плиний Старший считают возможным опираться при написании исторических работ на письменные свидетельства, оставленные женщинами, как это было в случае с «Записками» Агриппины. По сообщению Овидия, женщины могли заниматься стихосложением, что, хотя и вступало в некоторые противоречия с традиционными римскими представлениями

---

¹ Гуревич Д., Рапсат - Шарлье М. – Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gurevich-danielj/povsednevnyaya-zhiznj-zhenschini-v-drevnem-rime>.

ми, тем не менее, поддерживалось представителями передовой общественности.

Кроме того, знатные римлянки имели возможность устраивать званые обеды, что следует из сообщения Диона Кассия и подтверждается данными Валерия Максима, свидетельствующего, что женщины и мужчины традиционно принимают пищу вместе. Тацит и Светоний также упоминают, что нередко женщины приглашались на масштабные пиры, устраиваемые принцепсами. Очевидно, посещение женщинами подобных мероприятий являлось общепринятой нормой, поэтому не вызывало осуждения у отдельных авторов.

Среди публичных заведений, посещаемых женщинами, можно выделить театр. Сведения Тацита о присутствии римлянок на театральных представлениях дополняет Светоний, упоминая, что иногда знатные женщины примеряли на себя роли актрис, что, безусловно, не согласовалось с существовавшими на этот счет правилами, а объяснялось, скорее всего, личным желанием Нерона. Если Светоний и Тацит не высказывают своего отношения к присутствию женщин в театре, то Овидий осуждает римлянок, использовавших данную возможность с целью продемонстрировать себя публике.

Другим заведением, популярным в обществе в целом и в женской среде в частности, был цирк. Очевидно, что увлечение женщинами происходящим на арене, обществом воспринималось неоднозначно. Так, Светоний упоминает, что Август стремился оградить женщин от подобных зрелищ, разрешив им занимать только верхние места, а Тацит с упреком отмечает «жадность» провинциальных женщин по отношению к кровавым событиям в цирке. В еще более негативном свете рассматривается авторами участие женщин в сражениях в качестве гладиатрис, о чем свидетельствуют Светоний и Марциал, в то же время, по мнению исследователей, подобное нововведение широко поддерживалось народными массами. Кроме того, примерить на себя роль гладиатрис могли женщины из различных социальных слоев. По сообщению Тацита, многие знатные римлянки «запятнали себя» участием в подобных

мероприятиях, а Петроний указывает на то, некоторые, видимо, небогатые женщины занимались этим профессионально, вероятно, с целью заработка.

Негативно оценивается авторами и участие женщин в мероприятиях, традиционно считавшихся мужскими, будь то тушение пожара, в который, по сообщению Светония, была вовлечена Ливия, или же воинские учения в провинции, куда, по сведениям Тацита и Диона Кассия, активно стремились попасть жены магистратов.

Напротив, положительных оценок удостоены женщины, жертвующие средства на нужды культуры. По сообщению Светония и Овидия, Октавия Младшая выделила средства на строительство портика, отделанного мрамором. Исследователи предполагают, что покровительством знатных женщин пользовались и поэты, в том числе Марциал, воспевший одну из них в своих эпиграммах.

Выводы по первой главе

Таким образом, исследуемые источники позволяют проанализировать различные роли, которые играли женщины в политической и общественной жизни Рима эпохи принципата.

Участие римлянок в государственных переворотах характеризуется тем, что ближайшие родственницы императоров, а именно, дочь Августа Юлия, жена Клавдия Валерия Мессалина, были вовлечены в организацию данных мероприятий своими любовниками с целью выполнения их планов по захвату императорской власти. С другой стороны, женщины – члены императорской фамилии имели возможности для самостоятельной организации переворотов, например, в качестве отравительниц при появлении угрозы их высокому положению, как Агриппина Младшая, либо отравившая мужа самостоятельно, либо перепоручившая это дело слугам. Следует отметить, что женщины, не имевшие отношения к августейшей семье, становились членами заговорщических организаций на равных условиях с мужчинами, основыв-

ваясь, видимо, на собственных представлениях о порядке и справедливости, о чем свидетельствует неудавшаяся деятельность Эпихариды.

Оценка авторами участия женщин в государственных переворотах складывается из нескольких компонентов. Часто авторы оценивают не решения женщины как политика, а моральную сторону ее поступков. В данном случае оценка является негативной: такие действия, как супружеская измена, убийство отца или мужа осуждаются как римским обществом в целом, так и отдельными авторами. Однако прослеживается и сочувственное отношение к женщинам, например, к Юлии Младшей со стороны Светония, которая понесла очень суровое наказание за свои проступки. Обращает на себя внимание тот факт, что при довольно ироничном тоне повествования о неудачной деятельности женщин в составе заговорщиков, авторы, тем не менее, отдают дань уважения их высоким морально-волевым качествам, проявляющимся в критические моменты. Кроме того, в случае, когда женщина посредством участия в заговоре стремится предотвратить угрозу для своей жизни, историки воздерживаются от однозначной оценки в ее адрес.

В интригах, направленных на устранение нежелательных наследников власти, женщины выступали либо организаторами, как Ливия, либо были вовлечены с целью выполнения чужих планов, например, Ливилла, которую подталкивает к убийству Друза Сеян. Женщины также становились участниками интриг, связанных с созданием ложных ситуаций, как Мессалина, руководимая либо личной обидой, либо корыстными интересами. Кроме того, римлянки оказывались вовлеченными в интриги, передавая ценные в политическом отношении сведения.

Отношение авторов к участию женщин в интригах характеризуется тем, что, как и в ситуациях с государственными переворотами, они в полном соответствии с морализаторской концепцией исторических сочинений эпохи принципата, концентрируются на моральной стороне действий: например, Тацит считал политическую деятельность Ливиллы следствием супружеской измены и нравственного падения. В то же время оценки в адрес римлянки как

возможного организатора интриги нивелируются ее характеристиками как добропорядочной женщины – хранительницы домашнего очага, верной жены и любящей матери. В ряде случаев авторы не дают оценок. Это касается разведывательной деятельности женщин, но, по мнению исследователей, определенные поступки априори не могут быть оценены положительно, так как вступают в противоречие с римскими представлениями о женских добродетелях.

Формы участия женщин в общественной жизни Рима периода принципата можно условно разделить на приватные, связанные с ее семьей и домом, а также публичные, предполагающие посещение различных городских заведений и активное взаимодействие с обществом. К бытовым формам можно отнести традиционные умения, которыми должна владеть благовоспитанная римлянка: ведение домашнего хозяйства, ткачество и прядение. Кроме того, женщины увлекались литературой, причем как чтением и слушанием готовых произведений, так и созданием собственных. Знатные римлянки также имели возможность устраивать и посещать званые обеды.

В целом авторы благосклонны к домашним занятиям женщин, которые вполне согласуются с традиционными римскими представлениями, за исключением, возможно, литературной деятельности, с пониманием воспринимаемой представителями передовой общественности, но, очевидно, не вполне приемлемой для старшего поколения. Иначе выглядят оценки публичной деятельности. Если отношение одних авторов можно выразить как достаточно нейтральное, то другие явно осуждают стремление женщин продемонстрировать себя, например, в театре. Авторы также негативно отзываются о нововведении, позволяющем женщинам проявить себя в качестве гладиатрис, хотя оно и было хорошо воспринято народными массами. Историки наравне с современниками считают некоторые виды деятельности исключительно мужскими, например, присутствие на воинских учениях. В этой связи осуждается и деятельность женщин, казалось бы, направленная на благо – тушение пожаров, в которых участвовала Ливия. В то же время положительных

оценок удостоены женщины, жертвующие средства на нужды архитектуры или оказывающие покровительство поэтам.

ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РИМСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО II В.

Второй век в историографии традиционно именуется «золотым веком» Римского государства. Этот период характеризовался не только высшим подъемом экономики и культуры, но и внутривластной устойчивостью. На фоне стабилизации общего положения империи происходит окончательный отказ от республиканских принципов в пользу укрепления монархического режима¹. Представляется логичным предположить, что в силу изменений в системе власти роль женщин в политической и общественной жизни Рима должна была также подвергнуться трансформации, следовательно, необходимо разобраться в характере этих изменений, сопоставив особенности женского участия во II в. с соответствующими характеристиками, относящимися к эпохе принципата.

§1. РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАГОВОРАХ

Как уже было ранее обозначено, изучение роли женщин в политической жизни Рима требует обращения к формам прямой политической активности, среди которых особый интерес, на наш взгляд, представляют заговоры. Важной частью проблемы является анализ заговорщической деятельности женщин во II в.: необходимо обратить внимание на то, как в условиях новой политической обстановки меняются мотивы женщин – участниц и оценки их деятельности, предложенные авторами источников.

Одним из первых заговоров с участием женщины в рассматриваемый период следует считать заговор, организованный Авидием Кассием в начале 175 года. Для нас значимо то, что участницей данного выступления стала жена императора Марка Аврелия Фаустина. «Когда Кассий поднял мятеж в Сирии, Марк в великой тревоге вызвал из Рима своего сына Коммода <...>»,

---

¹ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. - М., 1985. – Т.1. - С. 74.

[Фаустина], решив, что ее пораженный болезнью муж вот - вот умрет, испугалась, что власть перейдет к кому - нибудь другому, поскольку Коммод был и слишком юн, и простодушен, и что ей придется стать частным лицом, и поэтому в тайне уговорила Кассия подготовиться к тому, чтобы, если что-то случится с Антонином, и ее взять в жены, и императорскую власть приобрести» (Cass. Dio, LXXII, 22).

С.Г. Сердюкова утверждает: Фаустина, испугавшись, что после смерти Марка некто другой захватит власть и тем самым отстранит сына Коммода, который пока не мог рассчитывать занять вакантный престол вследствие юного возраста, и ее саму от государственных дел, решается вступить в тайное соглашение с Авидием Кассием, сделав его наследником власти и обеспечив для себя максимально выгодное положение в новых условиях¹. Исследователь Т.Т. Вольштейн несколько иначе расставляет акценты, истолковывая текст источника таким образом, что Фаустина, опасаясь за судьбу своих детей, которые не могли самостоятельно защитить себя, буквально упростила Авидия Кассия, человека испытанной верности, спасти империю, наследуя Марку, и обеспечить престол Коммоду².

В любом случае, Дион Кассий оценивает вмешательство женщины с негативной стороны (прил. 2), утверждая, что Фаустина лишь усугубила положение восставших своими преждевременными выводами о скорой кончине Марка Аврелия и называет проявленное доверие Авидия Кассия к ней ошибочным шагом: «<...> Кассий, однако, допустил ужасную ошибку, введенный в заблуждение Фаустиной...» (Cass. Dio, LXXII, 22).

Другим мероприятием, непосредственно организованным женщиной, стал заговор 180 года, направленный против императора Коммода, главную роль в котором сыграла его сестра Луцилла. Геродиан сообщает о том, что причиной заговора стала даже не столько политическая, сколько обыкновен-

---

¹ Сердюкова С.Г. Проблема социальных конфликтов в эпоху Антонинов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб., 2004. – Вып. 3. – С. 330.

² Вольштейн Т.Т. Выступление Авидия Кассия, его предпосылки и характер // Античный мир и археология. – Саратов, 1977. - Вып. 3. – С. 11.

ная женская зависть, которую Луцилла испытывала по отношению к жене императора Криспине, так как после свадьбы часть почестей, по праву принадлежавших Луцилле, теперь перешла к ней. Отстранившись от исполнения, Луцилла стала идейным вдохновителем заговора, заполучив в число своих сторонников представителей сената, один из которых и должен был пронзить императора кинжалом. «После того как Коммод взял жену по имени Криспина и стало необходимым предоставить первенство жене царствовавшего государя, Луцилла тяжело переживала это и считала почести той поношением себе <...>. Кодрату же, знатному и богатому юноше (ее обвиняли в тайной связи с ним), она, испытывая образ его мыслей, непрерывно жаловалась по поводу первенства и понемногу внушила юноше замысел, гибельный для него и для всего сената» (Herodian., I, 8, 4). Поспешно организованный и не до конца продуманный заговор был раскрыт, и «Коммод казнил свою сестру, а также беспощадно всех, кто состоял в заговоре, и тех, кто подвергся каким бы то ни было подозрениям» (Herod., I, 8, 8).

Свою версию произошедшего выдвинул Дион Кассий, сведения которого согласуются с информацией Геродиана о руководящей роли Луциллы в организации заговора. Тем не менее, Дион приводит совершенно иные мотивы деятельности женщины, которая, по его оценке, «ни скромностью, ни благородием не отличалась в лучшую сторону от своего брата Коммода» (Cass. Dio, LXXIII, 4), и решила избавиться от нелюбимого мужа Клавдия Помпеяна, подтолкнув его к участию в таком опасном мероприятии. «Луцилла <...> ненавидела своего мужа Помпеяна. Потому - то она и убедила его совершить нападение на Коммода и не только погубила мужа, но и сама погибла, будучи изобличена» (Cass. Dio, LXXIII, 4).

Оценки деятельности Луциллы выглядят однозначно негативными (прил. 2), однако следует отметить, что в данной ситуации историки, как и авторы I в. до н.э. – I в. н.э., концентрируются скорее не на политических решениях женщины, а указывают на ее отрицательные личностные качества - зависть и гордыню.

Источники сообщают об участии женщин в заговорах не только в качестве организаторов, но и непосредственных исполнительниц, что также характерно для периода принципата. Показательным в этом плане представляется очередной заговор против Коммода, участницей которого стала его любовница Марция¹. Мотивом участия женщины стало, как утверждает Дион, в первую очередь, поведение самого императора, совершенно несоответствующее его статусу и положению, что проявлялось в многочисленных нарушениях традиций, и, помимо всего прочего, постоянные угрозы смертью своему ближайшему окружению. Дион Кассий свидетельствует, что Коммод «снова собирался участвовать в гладиаторском представлении, в одеянии всадников и в дорожных плащах, чего мы никогда не делаем... К тому же в последний день представлений его шлем унесли через те ворота, через которые проносят мертвых. Благодаря этому всем без исключения стало совершенно ясно, что нам предстоит от него избавиться. Лет и Эклект, удрученные его поведением, а к тому же и напуганные, так как он произносил в их адрес угрозы, когда они мешали ему вести себя подобным образом, составили против него заговор <...> поделившись своим замыслом с Марцией» (Cass. Dio, LXXIII, 22). Именно Марции было поручено отравить императора. «В последний день года, ночью <...> они с помощью Марции дали ему яд в говядине» (Cass. Dio, LXXIII, 22).

В рассказе Диона Марция выступает скорее в роли примкнувшей к заговору, но не является инициатором его создания, что расходится со сведениями Геродиана². Он сообщает: непосредственно от Марции ее будущим сообщникам поступили сведения о готовящихся гонениях на друзей Коммода, высокопоставленных государственных деятелей, в числе которых находятся они сами, что и послужило причиной заговора. Марция «обнаружив, что [записка] несет смерть и что ей предстоит умереть прежде всех, Лет и,

---

¹ Куликова Ю.В. Причины и способы убийства императоров в Древнем Риме (I – III вв. н.э.) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 2. – С. 83.

² Левицкий Г.М. В плену страстей. Женщины в истории Рима. - М., 2010. - С. 140.

Эклект последуют за ней, а затем будет столько казней других, <...> посылает за Эклектом... <...> Они условливаются лучше опередить его каким-нибудь действием, нежели потерпеть от него...» (Herodian., I, 17, 5). Однако Геродиан, как и Дион, утверждает, что осуществлять задуманное было поручено женщине. «Когда [Коммод] пришел после купания, [Марция], налив в чашу яду, замешав благовонным вином, дает ему пить» (Herodian., I, 17, 8).

И Дион, и Геродиан воздерживаются от негативных оценок по отношению к Марции (прил. 2), что, возможно, объясняется, с одной стороны, однозначно заслуживающим осуждения поведением Коммода, с другой, вполне объяснимым в глазах историков стремлением женщины спасти как собственную жизнь, так и жизни множества других людей, попавших в немилость императора.

Таким образом, проанализировав исторические источники, мы можем выявить и охарактеризовать различные роли, которые выполняли женщины в заговорах II в. н.э.

Во-первых, римлянки, в отличие от женщин эпохи принципата, руководимых любовниками, имели возможность самостоятельно стать во главе рассматриваемого политического мероприятия, о чем свидетельствует деятельность Фаустины и Луциллы. Основываясь на сведениях Диона Кассия, мы можем выделить в качестве причин, с одной стороны, стремление Фаустины обеспечить безопасное будущее для своих детей при отсутствии определенности по вопросу о том, кто именно окажется на императорском троне после смерти Марка Аврелия, с другой, намерение Фаустины передать престол человеку, который, воспользовавшись этим, не отстранит женщину и ее сына от решения политических вопросов. Роль римлянки негативно оценивается Дионом. По его мнению, безоговорочное доверие Авидия Кассия слухам, распространяемым Фаустиной по поводу состояния здоровья императора, стало для него роковой ошибкой.

Обстоятельства, побудившие Луциллу выступить в качестве идейного вдохновителя заговора, по-разному освещаются авторами. Геродиан утвер-

ждает, что Луцилла решила избавиться от Коммода и его новоиспеченной супруги, по отношению к которой испытывала чувство зависти, обратившись за помощью к своему любовнику, предпринявшему попытку устранить императора. Дион настаивает на другой версии: объектом неприязни Луциллы стал ее муж, которому она и внушила идею возглавить заговорщиков, рассчитывая на неудачный для него исход дела, немедленное разоблачение и казнь. В любом случае, действия римлянки порицаются античными авторами, осуждающими ее личностные качества – непомерную гордыню и зависть.

Во – вторых, женщины, как и в период принципата, имели возможность принять участие в заговоре в качестве исполнительниц, как это сделала Марция, отравив Коммода. По сведениям Диона, Марция оказывается вовлеченной в данное мероприятие, когда оно находится в стадии активной разработки, осуществляемой людьми, недовольными экстравагантным поведением императора. Геродиан же указывает на то, что непосредственно от Марции ее окружению стала известна информация о готовящихся репрессиях, что и послужило причиной, объединившей заговорщиков. Сведения античных историков согласуются в том, что женщина сыграла решающую роль в осуществлении задуманной идеи, преподнеся яд Коммоду. Авторы не высказывают своего однозначного отношения к Марции как к отравительнице, что, видимо, связано с обстоятельствами, в которых оказалась женщина помимо своей воли, с одной стороны, поведение Коммода и так настраивало многих деятелей против него, с другой, что еще более показательно, от решительности женщины зависела не только собственная жизнь, но и благополучие ее знакомых, а также множества других, невиновных в каких – либо преступлениях людей.

§2. ЖЕНЩИНЫ В МЕХАНИЗМЕ РИМСКОЙ ИНТРИГИ

Создание целостного представления о месте женщин в государственной жизни Рима невозможно без анализа их «тайной» политической роли в различных условиях, в том числе в обстоятельствах II в., когда систему вла-

сти затрагивают определенные изменения. Нам предстоит проанализировать, как перемены повлияли на типы политических интриг, в которых принимали участие римлянки, какие теперь роли выполняли женщины, оказавшись «внутри» интриги, и как эти действия оценивались античными авторами.

К первой категории интриг, в которых замешаны женщины, можно отнести искусственное нагнетание событий, последствия которых не только приведут противника в проигрышное положение¹, но и создадут прямую угрозу его жизни. Пример таковой мы можем наблюдать у Диона, когда он описывает интригу против одного из фаворитов Коммода – Клеандра, ставшую возможной благодаря критическим событиям, сложившимся в результате нехватки хлеба и усугубившимся действиями заведующего хлебным снабжением Папирия Дионисия. Однако непосредственным обвинителем Клеандра и своего рода подстрекателем выступила группа лиц, якобы представителей от народа, и не последнюю роль в этом сыграла неизвестная автору представительница женского пола: «В цирк вбежала толпа детей под предводительством какой-то девушки высокого роста и грозного вида... Дети хором стали выкрикивать ужасные проклятия, а народ, подхватив их слова, тоже поднял крик... В конце концов, люди стали спрыгивать со зрительских мест и бросились к Коммоду, который в это время находился в Квинтилийском предместье, выкрикивая в адрес императора самые добрые пожелания, а Клеандра осыпая проклятиями» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 2 - 5).

На основании приведенного отрывка трудно установить истинное отношение Диона к роли, которую сыграла девушка в произошедших событиях, однако обращает на себя внимание тот факт, что, видимо, подобное поведение женщины не вызвало осуждения у общества, напротив, произвело огромное впечатление на присутствовавших при этом представителей народа, так как автор упоминает, что девушку «позднее, под впечатлением того, что произошло далее, стали считать божеством» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 2 - 5).

---

¹ Егоров А.Б. Интрига в политической... – С. 188.

Можно предположить, что подобную роль обвинителя сыграла в данной интриге и Марция, так как она лично доложила императору о произошедшем, очевидно, назвав при этом имя виновного: «Когда они приблизились к Коммоду, которому до этого еще никто не объяснил, что происходит, к императору обратилась <...> Марция <...> и рассказала ему суть дела» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 5). Дион не уточняет своего отношения к женщине, возможно, потому что не знает, что именно «рассказала» Марция императору и была ли она в сговоре с Папирием Дионисием, однако упоминает, что именно после подобных объяснений Коммод «приказал убить Клеандра и его ребенка, который был вскормлен буквально на руках императора» (Cass. Dio, LXXIII, 13, 6).

Указывает на участие женщины в анализируемых событиях и Геродиан, однако условия несколько меняются. Автор не сообщает о какой – либо интриге, прямо указывая на Клеандра как на виновника голода: «В это самое время на город надвинулся голод по следующей причине. Клеандр, <...>, скупая в огромном количестве хлеб и держа его под замком, надеялся привлечь к себе народ и лагерь, сначала вызвав недостаток провианта, затем, когда они благодаря щедрым раздачам попадут ему в руки, привлечь их к себе ввиду нужды в самом необходимом. Римляне же, враждебно относившиеся к нему <...>, во время пребывания Коммода в предместье, двинувшись всем народом, стали кричать и требовать смерти Клеандра» (Herodian., I, 12, 3). Тем не менее, сообщила обо все происходящем в городе Коммоду, как и у Диона, именно женщина, в данном случае одна из сестер императора – Фадилла (прил. 2): «В то время как происходила междоусобная война, никто другой не хотел сообщить о ней Коммоду из страха перед могуществом Клеандра; <...> Фадилла <...> всем своим видом изобразив горе, сказала: «<...> Клеандр вооружил против тебя народ и воинов... Беды <...> захватят и нас, если ты не выдашь как можно скорее на смерть дурного слугу, который для одних уже стал виновником столь великого истребления, а для нас совсем скоро будет» (Herodian., I, 13, 1 - 3). Итог оказывается примерно тот же:

«[Коммод] посылает за Клеандром, ничего не знавшим о том, что было доложено... Когда он пришел, Коммод приказывает схватить его и, отрубив ему голову и насадив ее на длинное копьё, посылает народу...» (Herodian., I, 13, 4).

С одной стороны, опираясь на текст Геродиана, можно предположить, что сестра императора руководствовалась благими намерениями, к тому же автор особо отмечает смелость Фадиллы, решившейся выступить перед императором, в то время как многие мужчины были объята страхом. С другой стороны, фраза «изобразив горе», возможно, является указанием на неискренность женщины, что может свидетельствовать о ее неприязни по отношению к Клеандру, чем и объясняется стремление Фадиллы заставить Коммода предать смерти своего фаворита.

Некоторые интриги тесно связаны с тайными убийствами и даже переворотами¹, а зачастую являются их следствием. Роль женщин в подобных интригах объясняется силой их влияния на мужчин. Так, Манлия Скантилла и Дидия Клара, жена и дочь Дидия Юлиана, как свидетельствует Геродиан, активно внушали ему идею занять должность императора, после убийства Пертинакса выставленную легионерами на аукцион². «И вот жена, дочь и толпа сотрапезников уговаривают его соскочить с ложа, поспешить к стене и узнать о том, что делается; по дороге они все время советуют ему схватить лежащую под ногами власть и, если бы кто -нибудь оспаривал ее, превзойти всех щедростью, так как он владеет несметными деньгами» (Herodian., II, 6, 7).

Геродиан не выражает открыто своего отношения к поведению женщин, однако можно предположить, что едва ли оно является положительным, так как в дальнейшем отчетливо прослеживается порицание автором нравов, восторжествовавших в Риме вследствие установившейся практики подкупа воинов, к осуществлению которой подталкивали Юлиана его жена и дочь.

---

¹ Егоров А.Б. Интрига в политической... – С. 188.

² Куликова Ю.В. Указ. соч. – С. 84.

«Тогда <...> [воины] начали ненасытно и постыдно стремиться к деньгам и пренебрегать подобающим уважением к правителям. То обстоятельство, что никто <...> не воспрепятствовал столь непристойному объявлению и продаже власти за деньги, было <...> причиной их непристойного и непокорного настроения и на будущее время, так как их корыстолюбие и презрение к правителям возросло и привело к пролитию крови» (Herodian., II, 6, 14).

Дион Кассий также приводит информацию о методах, посредством которых Юлиан предпринимал попытки занять императорский трон, однако в его тексте отсутствуют сведения об участии в этом деле женщин. «Между тем Дидий Юлиан, ненасытный стяжатель и бесстыдный расточитель, который всегда имел склонность к заговорам и переворотам <...>, услышав о смерти Пертинакса, поспешил в лагерь и, вставши у ворот, стал призывать воинов передать ему власть над римлянами» (Cass. Dio, LXXIV, 11, 2).

Таким образом, роли женщин в данных проявлениях тайной политики видоизменяются в зависимости от характеристик самой интриги и могут быть систематизированы следующим образом.

Во-первых, в интригах, связанных с созданием ложной ситуации, что имело место и в период принципата, женщины выполняют роль осведомителя властей или «обличителя» человека, против которого спланирована интрига, перед народом. Если Дион Кассий указывает, что одну из ключевых ролей в направленной против Клеандра интриге сыграла некая неизвестная девушка, восторженно принятая народными массами, то у Геродиана отсутствуют как явные упоминания о заранее спланированной против Клеандра политической игре, так и о роли в случившемся римлянки из народа. Кроме того, по данным Диона, последнюю точку в деле Клеандра поставила Марция – любовница Коммода, доложившая ему о начавшихся волнениях и их причине, а Геродиан свидетельствует, что это было совершено Фадиллой, сестрой императора.

Следует упомянуть, что Дион, в отличие от ряда авторов I в., осуждающих подобные проявления женской политической активности, не выска-

зывает своего отношения к поступкам Марции, возможно, по причине того, что не знает точно, была ли она участницей интриги и передавала информацию, подготовленную заранее, или просто пересказала императору увиденное своими глазами. В то же время оценки Геродиана могут быть истолкованы двояко: с одной стороны, он высказывает уважение Фадилле, проявившей определенное мужество, решившись сказать Коммоду удручающую правду о нестабильной ситуации в Риме, с другой, присутствует скрытое указание на неискренность женщины, что может быть истолковано как свидетельство ее тайных намерений в отношении Клеандра.

Во-вторых, если интрига является своего рода продолжением политического заговора, что не было характерно для предшествующей исторической эпохи, то женщина вполне могла способствовать мужчинам из ближайшего окружения занять освободившуюся должность, действуя «мягкой силой», то есть уговорами и убеждениями. По сведениям Геродиана, подобное участие в интриге, направленной на получение высшей власти, приняли дочь и жена Дидия Юлиана, подтолкнувшие его воспользоваться своими богатствами и обеспечить себе поддержку легионеров, подкупив их. Дион Кассий также приводит информацию о взятке, посредством которой Юлиан рассчитывал занять престол, однако не сообщает об участии в этом деле женщин.

Текст Геродиана не содержит прямых оценок деятельности женщин, но, можно предположить скорее их осуждающий характер, так как в дальнейшем очевидно негативное отношение античного историка к установившейся в Риме практике подкупа воинов ради достижения собственных целей.

§3. ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН

Неотъемлемой частью исследования общественной роли женщин является изучение форм их деятельности в условиях, когда перемены в политической сфере накладывают отпечаток на жизнь социума. В связи с этим представляется важным проанализировать, как во II в. осуществлялось вовлечение женщин в общественную сферу, изменились ли формы женского уча-

ствия, а также выяснить, что нового появилось в позиции античных авторов по данному вопросу.

По всей видимости, одной из форм общественной деятельности, характерной для римских женщин во II в., была культурно - досуговая деятельность, направленная на удовлетворение социальных, духовных, творческих потребностей личности. Итак, несомненным представляется факт посещения женщинами театра, о чем прямо свидетельствует Дион Кассий, упоминая, что после смерти жены Марка Фаустины Сенат постановил, чтобы «всякий раз, когда император собирался посмотреть на игры, в театр вносили в кресле золотое изображение Фаустины и устанавливали его в том самом месте, с которого она при жизни имела обыкновение смотреть представление, и чтобы вокруг него рассаживались наиболее влиятельные женщины». Также о присутствии в театре женщин свидетельствует Ювенал:

Где бы тебе показать под портиком женщин, достойных
Жертвы твоей? Разве можешь найти ты в театре такую,
Чтобы ты выбрал ее и мог полюбить безмятежно? (Juv., II, 6, 60 - 61).

Если Дион упоминает о значительном числе женщин, посещавших театр, об их высоком положении, что, вероятно, им не осуждается, то Ювенал сомневается, возможно ли среди всех этих женщин найти хотя бы одну, чья нравственность не вызывала бы сомнений. Следовательно, либо он указывает на общий упадок нравов в женской среде, либо с осуждением замечает, что только такие женщины посещают театральные представления.

Другим способом вовлечения женщин в общественную сферу была их литературная деятельность. К числу римских поэтесс некоторые исследователи относят Юлию Бальбиллу, которая отправилась туристкой в Египет, сопровождая при этом императора Адриана и его жену Сабину, и на левой ноге статуи фараона Аменхотепа III нацарапала небольшое стихотворение, снаб-

женное к тому же подписью, годом, месяцем, числом и даже временем суток осмотра достопримечательности¹.

Плиний Младший, рассказывая о произведениях известного поэта Помпея Сатурнина, упоминает, что последний позволил ознакомиться Плинию с очень талантливыми письмами своей жены: «Недавно он мне читал письма: сказал, что женины: мне казалось, что я слышу Плавта или Теренция в прозе. Женины ли это письма, по его утверждению, его ли собственные, - он это отрицает, - но он одинаково стоит одобрения: за собственное ли сочинение или за то, что воспитал такой вкус в жене, которую взял молоденькой девушкой» (Plin., I, 16, 6)².

Однако следует отметить, что, как и в эпоху принципата, не все мужчины положительно оценивали женские увлечения литературой и поэзией. Ювенал, видимо, полагал, что римлянкам не следует вмешиваться в литературную сферу, представляющую собой поле исключительно мужской деятельности:

Впрочем, несноснее та, что, едва за столом поместившись,
Хвалит Вергилия, смерти Элиссы дает оправданье,
Сопоставляет поэтов друг с другом: Марона на эту
Чашу кладет, а сюда на весы полагает Гомера.
Риторы ей сражены, грамматика не возражают,
Все вокруг нее молчат, ни юрист, ни глашатай не пикнут,
Женщины даже молчат... (Juv., VI. 434 - 441).

Некоторые знатные женщины, как и в I в. до н.э. - I в. н.э., предпочитали занятия музыкой. Геродиан в самых лестных тонах упоминает о целом певческом хоре времен Севера, состоявшем исключительно из представительниц женского пола: «И вот по одну сторону становится хор детей из самых благородных патрицианских семейств, а напротив них – хор из тех женщин, чье

---

¹ Кравчук А. Галерея римских императриц. – М., 2010. – С. 66.

² Фридлиндер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. – Электрон. библиотека. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1262896623>.

достоинство признается всеми; оба хора поют посвященные умершему гимны и пеаны, звучание которых скорбно и величаво» (Herodian, IV, 2, 5). О пристрастии римлянок к музыке, и, в частности, к игре на лире, правда, в совершенно ином, ироничном ключе, говорит и Ювенал:

Если жена увлекается пеньем, — никто не спасется
Из продающих свой голос претору: их инструменты
Вечно у ней в руках, сардониксы сверкают на лире
Сплошь, и дрожащий плектр постоянно порхает по струнам (Juv., II, 6, 60 - 61).

Возможно, женщины также учились игре на арфе и флейте. Мы можем предположить это на основании сведений из произведения Лукиана «Две любви», где он описывает, что Харикл был окружен хором «танцовщиц, флейтисток и арфисток» (Lukian, Amores, 10). С другой стороны, данное упоминание может свидетельствовать о музыке как о профессиональном занятии некоторых женщин, видимо, не связанных с высшим обществом. Особенно это касается танцев. О. Кифер утверждает, что танцовщицами, становились преимущественно иностранки из Кадиса и Сирии, на что указывает Ювенал:

Может быть, ждешь ты теперь, что здесь начнут извиваться
На гадитанский манер в хороводе певучем девчонки
Под одобренье хлопков приседаю трепещущим задом?..
Для богачей это способ будить их вялую похоть,
Точно крапивой...

(Juv., II, 6, 60 – 61)¹.

Оценка Ювенала свидетельствует о негативном отношении к профессиональным танцовщицам, так как, по его мнению, подобные танцы отличались излишней откровенностью.

---

¹ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. - Электрон. библиотека. - URL: <http://e-libra.ru/read/254064-seksualnaya-zhizn-v-drevnem-rime.html>.

Источники также сообщают об участии женщин в различных силовых состязаниях. Например, Ювенал с горечью замечает, что

Трудно сатир не писать, когда <...>

Мевия тукского вепря разит и копьём потрясает... (Juv., I, 1, 22 - 23).

Мевия - некая женщина, занимавшаяся, видимо, «охотой» на диких зверей в цирке, вызывает порицание автора тем, что предаётся занятию, недостойному представительницы прекрасного пола. В другой сатире Ювенал в сходном тоне указывает на участие женщин в гладиаторских боях:

Ей бы участвовать в играх под трубы на празднике Флоры;

Вместо того не стремится ль она к настоящей арене?

Разве может быть стыд у этакой женщины в шлеме,

Любящей силу, презревшей свой пол? (Juv., II, 6, 250 - 251).

Сегодня доподлинно неизвестно, представительницы каких слоев общества привлекались к данным состязаниям и на каких условиях это происходило как в эпоху принципата, так и во II в. Дион Кассий сообщает, что во времена императора Севера состоялось состязание атлетов, на которое участники явились «в принудительном порядке», более того, «в этом состязании участвовали и женщины, которые сражались друг с другом столь жестоким образом, что это дало повод для насмешек и в адрес других, весьма высокопоставленных женщин» (LXXVI, 16, 1). Конечно, не вполне ясно, относится ли упоминание о принуждении к женщинам, тем более что после данного мероприятия «любым женщинам было запрещено участвовать в единоборствах где бы то ни было» (Cas. Dio, LXXVI, 16, 1). Д.А. Волошин отмечает, что наложение данного запрета может свидетельствовать об определенной моде в знатной женской среде на участие в боях¹. Отчасти это подтверждается археологическими находками, среди которых – останки женщины, обнаруженные в Британии на территории римского поселения, созданного не ранее II в.

---

¹ Волошин Д.А. Гладиаторские бои как политическое массовое зрелище и средство «социальной дрессуры» (Рим эпохи Империи) // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. - Ярославль, 2012. - URL: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/voloshinda>.

Исследователи утверждают, что женщина была похоронена с почестями, но наличие у нее сильно развитой мускулатуры, возможно, свидетельствует в пользу ее увлечения гладиаторскими боями¹. Кроме того, некоторые женщины низкого происхождения могли осмелиться на данный шаг ради славы и денег. Известно, что зачастую мужчины – выходцы из социальных низов, ставшие гладиаторами, получали солидные денежные призы от поклонников и устроителей боев². Возможно, это же указание относится и к женщинам.

Вероятно, значительную часть своего свободного времени женщины II в., как и их предшественницы, проводили на званых обедах и ужинах, где, по выражению Апулея, собирался «как и полагается для знатной женщины – цвет города» (ApuL., II, 19). Лукиан также отмечает, что за утренними процедурами у римлянок следовал обед, «а за обедом великое жеманство перед мужчинами. <...> Ведут беседы о ночах, о цветных снах, об изнеженном женском ложе, восстав с которого, сейчас же нуждаешься в купаньи» (Lukian., Amores, 42).

Но если Лукиан указывает на незначительность тем для разговоров с женщиной и настаивает на отсутствии у них внимания к серьезным вопросам, то Плиний Младший сообщает, что, когда он обедает «с женой и немногими другими, то читается книга» (Plin., IX, 36, 4). Также он утверждает, что, например, Спуринна мог подолгу беседовать со своей женой, и одновременно восхищается тем, «о каких событиях, о каких людях ты услышишь!» (Plin., III, 1, 6) из этих бесед. Об активном интересе женщин к событиям, происходящим в римском обществе, Плиний упоминает и в связи с судебным процессом, где сам он защищал интересы Аттии Вириолы, жены претория и куда в качестве зрительниц пришло множество женщин: «На многих галереях базилики здесь женщины, там мужчины жадно старались услышать (это было трудно) и увидеть (это было легко)» (Plin., VI, 33, 3).

---

¹ Archaeologists find “muscular” body of British “female gladiator”. - Электрон. дан. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-1291446/Archaeologists-muscular-body-female-gladiator-Britain.html>.

² Волошин Д.А. Указ. соч. - URL: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/voloshinda>.

Следует отметить, что сегодня под общественной деятельностью в более узком смысле (зачастую в качестве одного из подвигов общественного досуга) понимается добровольная работа по обслуживанию культурных, политических, профессиональных нужд общества, а общественный деятель – это часто руководитель или видный представитель какой – либо партии, организации, средств массовой информации, науки, образования и т.д.¹. Следовательно, данную форму общественной деятельности можно охарактеризовать как в большей степени публичную. Одним из видов такой деятельности в Риме II в., как и в период принципата, была благотворительность в сфере культуры. Так, из «Писем» Плиния Младшего мы узнаем, что Уммидия Квадратилла содержала труппу пантомимов, однако, по его мнению, «она увлекалась ими больше, чем это прилично знатной женщине» (Plin., VII, 24, 4). Более того, Д. Гуревич отмечает, основываясь на надписях в Казине, что женщина устраивала представления с грандиозным размахом, так как за свои собственные деньги построила для сограждан амфитеатр, храм и «сцену» (CIL, X, 5183), то есть фактически перестроила театр².

По всей видимости, знатная женщина могла выступить создателем какой – либо организации. Например, женщины стремились поучаствовать в создании императорских воспитательных заведений для бедных детей, для чего активно жертвовались денежные средства. В связи с этим следует упомянуть Целию Макрину из Террацина (кон. I – II вв.)³, оставившую «300 000 сестерциев [для строительства этого здания]», а также средства «для его отделки и технического обслуживания» (CIL, X, 6328).

Латинские надписи сообщают, что женщина могла занимать общественную должность, например, стать патронессой того или иного города. С. Бонд утверждает: такую роль выполняла Вибия Аврелия Сабина, дочь Марка

---

¹ Общественный // Толковый словарь Ожегова. - Электрон. дан. - URL: <http://www.endic.ru/ozhegov/Obschestvennyj-19646.html>.

² Гуревич Д., Рапсат - Шарлье М. Указ. соч. - URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gurevich-danielj/povsednevnyaya-zhiznj-zhenschini-v-drevnem-rime>.

³ Там же.

Аврелия, на что указывает надпись, текст которой гласит: «Декурионы Каламы воздвигли это для Вибии Аврелии Сабины, <...>, патронессы муниципалитета» (CIL, VIII, 5328)¹. Другая надпись сообщает, что не только члены императорской фамилии имели возможность оказывать покровительство тому или иному городу. Так, в конце II в. некая Абейена Балбина являлась покровительницей города Пизавра, о чем свидетельствует соответствующая надпись, воздвигнутая одновременно в ее честь и в честь ее мужа (180 – 192 гг.): «Городской плебс Пизавра создал это для Абейны Балбины <...> патронессы муниципалитета <...> за их похвальные действия...» (CIL, XI, 6354)².

Таким образом, среди форм участия женщин в общественной жизни Рима можно выделить культурно – досуговую деятельность, связанную с удовлетворением личных потребностей в социуме, и публичную деятельность, направленную на поддержание благополучия общества в целом.

Культурно – досуговая деятельность выражалась в посещении женщинами театра, о чем свидетельствуют Дион Кассий и Ювенал. Театральные представления, видимо, пользовались большой популярностью у римлянок, так как Дион без всякого осуждения упоминает о значительном числе женщин, посещавших театр. В то же время подобное увлечение, как и в I в., неоднозначно оценивается некоторыми авторами, например, Ювеналом, который выражает неуверенность в порядочности этих женщин: либо он указывает на общий упадок нравов в женской среде, либо считает, что только римлянки сомнительной нравственности посещают театральные представления.

Кроме того, женщины, как и в период принципата, имели возможность заниматься литературной деятельностью. Но если Плиний Младший, рассказывая о произведениях известного поэта Помпея Сатурнина, с долей восхищения упоминает и о соответствующем таланте его жены, то Ювенал высказывает недовольство тем фактом, что некоторые римлянки без тени смущения

---

¹ Bond S.A. *Ob merita: the epigraphic rise and fall of the civic patrona in Roman North Africa*. – Chapel Hill, 2007. – P. 69.

² Bond S.A. *Op.cit.* – P. 67.

ния позволяют себе рассуждать о творчестве известных писателей, находясь при этом в мужском обществе.

Отношение Геродиана и Лукиана к женскому пению и игре на музыкальных инструментах является скорее положительным, в то время как Ювенал указывает, что зачастую подобное увлечение выходит за пределы разумного, а также порицает излишнюю откровенность некоторых танцев. Возможно, помимо свободного времяпровождения практиковались занятия музыкой и танцами на профессиональном уровне, чем могли заниматься женщины, не связанные с высшим обществом, например, иностранки.

Переплетение женских досуговых занятий с профессиональными характерно также для силовых состязаний, что, по мнению исследователей, объясняется желанием женщин заработать. Кроме того, на основании информации Диона исследователи предлагают версии как принудительного участия некоторых римлянок в данных мероприятиях, так и существования определенной моды в женской среде на участие в цирковых боях, однако аргументация данных предположений не выглядит достаточно убедительной. Из сведений Ювенала становится ясно, что в любом случае подобные явления широко осуждаются обществом, как несвойственные природе женщин.

Представительницы прекрасного пола, как и в предшествующий период, посещали званые обеды и ужины, о чем свидетельствуют Апулей, Лукиан и Плиний Младший. Но если Лукиан утверждает, что в ходе данных мероприятий с женщинами велись разговоры на незначительные темы, вызывающие насмешливые комментарии у автора, то Плиний указывает и на обсуждение насущных общественных проблем, понимание которых сулило женщине искреннее уважение от мужчин.

Публичная деятельность осуществлялась через участие в благотворительности, связанной с пожертвованиями на учреждения культуры, о чем свидетельствуют действия Уммии Квадратиллы, содержавшей театр, что довольно высоко оценивалось обществом, если, по высказыванию Плиния Младшего, не занимало слишком значительную часть женского свободного

времени. Другие женщины стремились поучаствовать в создании императорских воспитательных заведений для бедных детей, как это делала Целия Макрина из Террацина, на что указывает сохранившаяся благодарственная надпись. Помимо этого, латинские надписи также сообщают, что женщина могла занимать общественную должность, например, стать патронессой целого города. Подобную возможность имели как представительницы императорского дома (Вибия Аврелия Сабина), так и другие женщины, что подтверждается деятельностью Абейены Балбины. Сам факт существования подобных надписей от благодарных жителей города свидетельствует о высочайшей оценке женских деяний современниками.

Выводы по второй главе

Таким образом, данные исследуемых источников позволяют проанализировать различные закономерности, характеризующие участие женщин в политической и общественной сферах Рима во II в. н.э.

В заговоры, в отличие от периода принципата, были вовлечены только женщины, связанные близкими или родственными отношениями с правителями. Известно, что женщина становилась либо инициатором создания заговора, о чем свидетельствует деятельность Фаустины и Луциллы, либо выполняла роль исполнительницы задуманного, которой было поручено физическое устранение императора, что подтверждается действиями Марции. К числу причин, по которым женщины оказывались участницами заговоров, можно отнести опасение за высокое положение при дворе, стремление обеспечить безопасность своих детей, а также личную неприязнь к объекту интриги либо недовольство взаимоотношениями с собственными мужьями, занимающими высокое положение в государственных структурах.

Авторы не выражают прямо своего отношения к участию римлянок в заговорах, возможно, принимая во внимание неблагоприятно складывающиеся для них обстоятельства, существование угрозы для жизни, однако упрекают мужчин в излишней доверчивости к женщинам в политических во-

просах или концентрируются на их негативных личностных качествах, порицая гордыню и зависть.

Роли женщин в интригах видоизменяются в зависимости от характеристик данной формы политического участия. В интригах, связанных с созданием ситуации, ставящей противника в заведомо проигрышное положение, римлянки выполняют роль осведомителя властей, как Марция или Фадилла, либо «обличителя» перед народом. Если интрига являлась продолжением заговора, то женщины, например, жена и дочь Дидия Юлиана, могли способствовать мужчинам из своего окружения занять освободившуюся должность посредством взятки.

На основании текстов историков трудно установить авторские оценки деятельности женщин: они либо не высказывают своего отношения, вероятно, не будучи полностью уверенными в причастности римлянок к интриге, либо, концентрируются не на самих поступках, а на далеко идущих последствиях, критикуя, например, установившуюся в Риме практику подкупа легионеров.

Среди форм участия женщин в общественной жизни Рима можно выделить культурно – досуговую деятельность, связанную с удовлетворением личных потребностей в социуме, и публичную деятельность, направленную на поддержание благополучия общества в целом. Культурно – досуговая деятельность, характерная и для женщин эпохи принципата, выражалась в создании прозаических и поэтических сочинений, в игре на музыкальных инструментах, причем источники содержат похвалы в адрес талантливых проявлений женского творчества. Довольно популярным было посещение театра, что оценивалось некоторыми авторами не столь неоднозначно. Кроме того, женщины посещали публичные мероприятия, где обсуждались как исключительно женские вопросы, вызывающие насмешливые комментарии у авторов источников, так и насущные общественные, понимание которых сулило женщине уважение. Зачастую досуговые занятия переплетаются с профессиональными, что объясняется желанием женщины заработать, а также при-

нуждением или следованием моде, что применимо, например, к участию в цирковых боях, однако данные версии не выглядят достаточно аргументированными. В любом случае подобные явления и в I, и во II вв., осуждаются обществом, как несвойственные природе женщин.

Публичная деятельность осуществлялась через участие в благотворительности, связанной с пожертвованиями на учреждения культуры, что высоко оценивалось обществом, если только не занимало слишком значительную часть женского свободного времени, или созданием заведений для бедных. Женщины, в том числе представительницы императорского дома, также могли выступать в роли патронесс городов, заслужив тем самым благодарность и уважение горожан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследуемые источники позволяют проанализировать и сопоставить различные роли, которые играли римские женщины в политической и общественной жизни в периоды принципата и II в. н.э.

Участие женщин в формах политической активности, связанных с попытками заменить верховного правителя, характеризуется вовлечением в них римлянок, имеющих близкие или родственные отношения с императорами. Однако, если в I в. до н.э. – I в. н.э. руководящая роль в заговорах принадлежала скорее любовникам царственных женщин, мечтающих о сосредоточении власти в своих руках, то в период империи жены и сестры правителей проявляют большую инициативу в стремлении как сохранить приобретенное положение, так и обеспечить безопасность своих детей - будущих наследников. С другой стороны, во II в. по-прежнему сохраняется возможность для самостоятельного участия женщин в заговорах в качестве отравительниц при возникновении угрозы не только имеющимся привилегиям, но и жизни, чем пользуются теперь помимо жен правителей даже их фаворитки. Следует отметить, что участие в заговорщических организациях женщин, не имевших отношения к августейшей семье и руководствовавшихся только собственными представлениями о справедливости, характерно лишь для эпохи принципата.

Оценка роли римлянок в заговорах, как в период принципата, так и в эпоху империи, часто является следствием морально-нравственных установок авторов, однозначно порицающих как крупные проступки (супружескую измену, покушение на убийство), так и более мелкие проявления негативных качеств – зависть и гордыню. В то же время прослеживается сдержанное, реже сочувственное отношение к женщинам, стремящимся предотвратить угрозу для жизни либо понесшим слишком суровое наказание за свои действия. Однако только в эпоху принципата мы наблюдаем пример, когда восхищения и искреннего уважения со стороны античных историков могли быть удостоены

ны римлянки, продемонстрировавшие силу воли и необыкновенное терпение, в то время как высокопоставленные мужчины оказались сломлены.

В I в. до н.э. – I в. н.э. женщины принимали более активное участие в интригах: они действовали как в своих интересах, выступая организаторами мероприятий, направленных на устранение нежелательных для них наследников власти, так и вовлекались по мере необходимости ради реализации чужих планов, в том числе передавая ценные в политическом отношении сведения. Руководимые корыстными интересами или личной обидой римлянки организовывали интриги, связанные с созданием ложных ситуаций, что отчасти пересекается с их ролью во II в., когда женщины выполняли роль осведомителя властей или «обличителя» оппонента перед народом в ситуациях, ставящих его в проигрышное положение. В целом для эпохи империи характерна более пассивная деятельность женщин в закулисной игре, проявляющаяся, например, в желании советом помочь мужчинам из своего окружения занять освободившуюся должность императора.

Отношение авторов к участию женщин в интригах периода принципата характеризуется тем, что, как и в ситуациях с государственными переворотами, историки концентрируются на моральной стороне действий, считая, например, политическую деятельность следствием нравственного падения. В то же время оценки в адрес римлянки как возможного организатора интриги нивелируются ее характеристиками как добропорядочной женщины – верной жены и любящей матери. В ряде случаев авторы не дают оценок, что применимо как к разведывательной деятельности I века, так и к действиям женщин во II веке, когда авторы либо не уверены в причастности римлянок к рассматриваемым событиям, либо концентрируются не на самих поступках, а на далеко идущих последствиях.

Формы участия женщины в общественной жизни Рима периода принципата можно условно разделить на приватные, связанные с ее семьей и домом, а также публичные, предполагающие более активное взаимодействие с обществом. К первым мы причисляем традиционные умения, которыми

должна владеть благовоспитанная римлянка: ведение домашнего хозяйства, ткачество и прядение. Что касается публичных, то они отражены и в сведениях, относимых ко II в., на основании которых данную деятельность можно подразделять на культурно–досуговую и благотворительную.

Культурно – досуговая деятельность I в. до н.э. – II в. н.э. выражалась в посещении женщинами театра, что было популярным занятием, однако неоднозначно оценивалось некоторыми авторами. Другие формы участия заключались в игре на музыкальных инструментах, а также в создании римлянками прозаических и поэтических сочинений. Подобное увлечение литературой с пониманием и даже похвалой воспринималось представителями периферийной общности, но в эпоху принципата была не вполне приемлемо для старшего поколения. Все авторы однозначно негативно отзываюся об участии женщинам в боях в качестве гладиатрис, хотя источники указывают, что в I в. указанное нововведение было хорошо принято народными массами. Осуждаются и другие явления периода принципата, по мнению современников, противоречащие женской природе, будь то присутствие на воинских учениях, или даже деятельность женщин, направленная на благо, например, тушение пожаров.

Благотворительность заключалась в пожертвованиях на нужды культуры. В I в. до н.э. – I в. н.э. это проявлялось в выделении средств для строительства архитектурных сооружений или покровительстве поэтам, во II в. еще и в создании театров и заведений для бедных. О данных мероприятиях античные авторы отзываюся положительно, но в источниках II в. оговаривается одно условие: подобная деятельность не должна занимать слишком значительную часть женского свободного времени. Кроме того, источники имперского периода свидетельствуют, что женщины, в том числе представительницы императорского дома, могли выступать в роли патронесс городов, заслужив тем самым благодарность и уважение горожан.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. — М.: АН СССР, 1960. — 436 с.
2. Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / Перев. с лат. С. Ю. Трохачева. - СПб.: Изд-во СПбУ, 2007. - 308 с.
3. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. - СПб.: Азбука - Аттикус, 2015. - 480 с.
4. Геродиан. История императорской власти после Марка. — М.: РОС-СПЭН, 1996. — 272 с.
5. Дион Кассий Коккейян. Книги LVII-LXIII «Истории римлян» / Предисловие, перевод, комментарии В.Н. Талаха; под ред. В.Н. Талаха и С.А. Куприенко. — Киев: Видавець Куприенко С.А., 2013. - 239 с.
6. Кассий Дион Коккейян. Римская история. Книги LXIV-LXXX. Пер. с древнегреч. под ред., коммент. и статья А.В. Махлаюка. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. — 367 с.
7. Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. - М.: Ладомир, 1993. — Т.1. — 448 с.
8. Луций Анней Сенека. Октавия // Трагедии. — М.: Наука, 1983. — С. 293 — 320.
9. Луций Анней Сенека. О краткости жизни // Философские трактаты. - СПб.: Алетейя, 2000. — С. 40 — 65.
10. Лукиан. Две любви // Избранное. - М.: Художественная литература, 1987. — С. 455 - 479.
11. Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. - СПб.: Комплект, 1994. — 448 с.
12. Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. — М.: Наука, 1978. — 270 с.

13. Петроний. Сатирикон // Римская сатира. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 131 – 235.
14. Письма Плиния Младшего: Кн. I—X / Изд. подгот. Сергеенко М. Е., Доватур А. И.— М.: Наука, 1982. — 408 с.
15. Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. и комм. А.А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. - М.: ИВИ РАН, 2009. - № 17. - С. 211—242.
16. «Римская история» Веллея Патеркула / А.И. Немировский, М.Ф. Дашкова - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 211 с.
17. Свод латинских надписей [Электронный ресурс] / Электрон. библиотека. – URL: <http://www.manfredclauss.de/gb/index.html> (дата обращения: 05.01.17).
18. Ювенал. Сатиры. – СПб.: Алетейя, 1994. – 221 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ

19. Бобович А.С. Примечания // Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. - М.: Ладомир, 1993. - Т.1. – С. 147.
20. Вержбицкий К.В. Процессы об оскорблении величия в Риме при императоре Тиберии // Античный мир. Материалы научной конференции. - Белгород, 1999. - С. 37 - 45.
21. Волошин Д.А. Гладиаторские бои как политическое массовое зрелище и средство «социальной дрессуры» (Рим эпохи Империи) [Электронный ресурс] // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование: Доклады международной интернет – конференции / Отв. ред. В.В. Дементьева. - Ярославль, 2012. - URL: <http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/voloshinda> (дата обращения: 25.03.17).
22. Вольштейн Т. Т. Выступление Авидия Кассия, его предпосылки и характер // Античный мир и археология. – Саратов, 1977. - Вып. 3. – С. 8 – 19.
23. Головня В.В. История античного театра. - М.: Искусство, 1972. – 397 с.

24. Горончаровский В.А. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. — 256 с.
25. Государственный переворот // Большой юридический словарь под ред. Борисова А.Б. – М.: Книжный мир, 2010 – С. 133.
26. Groshov I.V. Genderные представления о власти // Социс. - 2000. – №12. - С. 33 – 41.
27. Гуревич Д., Рапсат - Шарлье М. – Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме [Электронный ресурс]. - Электрон. библиотека. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/gurevich-danielj/povsednevnyaya-zhiznj-zhenschini-v-drevnem-rime> (дата обращения: 18.12.17).
28. Данилов Е.С. Роль римских женщин в военной и политической разведке: от республики к империи // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20 – 22 октября 2011 года, Ярославль. – М.: ИЭА РАН, 2011. - Т. 1. – С. 23 – 26.
29. Егоров А.Б. Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. - СПб., 2013. – Вып. 12. - С. 346 - 365.
30. Егоров А.Б. Интрига в политической жизни Рима эпохи Республики (открытая и тайная политика в римской истории) // Политическая интрига и судебный процесс в античном мире. Коллективная монография под ред. проф. Э.Д. Фролова (Серия «ПРОВЛНМАТА. Вопросы античной истории и культуры»). - СПб.: Реноме, 2015. - Вып. 2. - С. 187 – 226.
31. Елагина А.А. Положение женщины в римском обществе I в. н.э. // Омский научный вестник. – Омск, 2006. – С. 15 – 20.
32. Квашнин В.А. Римские женщины в политической жизни средней Республики // Народ и демократия в древности: доклады российской научной конференции. – Ярославль: Издательство Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, 2011. – С. 175 – 188.

33. Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме [Электронный ресурс]. - Электрон. библиотека. - URL: <http://e-libra.ru/read/254064-seksualnaya-zhizn-v-drevnem-rime.html> (дата обращения: 25.03.17).

34. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987. – 440 с.

35. Коптев А.В.: Брак Гая Силия и Валерии Мессалины в изложении Корнелия Тацита [Электронный ресурс]. – Электрон. библиотека. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261575781> (дата обращения: 17.10.17).

36. Кравчук А. Галерея римских императриц. – М.: Астрель, 2010. – 320 с.

37. Куликова Ю.В. Причины и способы убийства императоров в Древнем Риме (I – III вв. н.э.) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. – № 2. - С. 81 – 86.

38. Латина С.В. Гендерные исследования в науках о культуре [Электронный ресурс]. - Электрон. библиотека диссертаций. – URL: <http://www.dissercat.com/content/gendernye-issledovaniya-v-naukakh-o-kulture> (дата обращения: 05.10.16).

39. Левицкий Г.М. В плену страстей. Женщины в истории Рима. Перевод с польского Е.В. Смирновой. - М.: У-Фактория, Астрель, 2010. - 320 с.

40. Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. – М.- Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. - 442 с.

41. Общественный // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. - URL: <http://www.endic.ru/ozhegov/Obschestvennyj-19646.html> (дата обращения: 12.03.17).

42. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.

43. Портнягина И.П. Знатная римлянка в период Поздней республики // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ре-

дакцией профессора Э.Д. Фролова. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – Вып. 4. - С. 259 – 278.

44. Портнягина И.П. Юлия Старшая в контексте династической политики Октавиана Августа // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. - Вып. 8. – С. 249 – 264.

45. Репина Л.П. Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. - 2000. - № 4. - С. 122 - 137.

46. Рузин П.А. Об интерпретации брака Валерии Мессалины и Гая Силия античной традицией и современными исследователями // Вестник Чувашского университета. - 2008. – № 1. - С. 106 – 110.

47. Сергеев М.Е. Жизнь древнего Рима. Очерки быта. – М. – Л.: Наука, 1964. – 334 с.

48. Сердюкова С.Г. Проблема социальных конфликтов в эпоху Антонинов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – Вып. 3. - С. 323 - 332.

49. Сулейманова С.А. Политическая и социальная роль женщины в Древнем Риме [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Коммуникации. - 2015. - № 2 (4). – URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/105/287> (дата обращения: 14.10.17).

50. Фридендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов [Электронный ресурс]. – Электрон. библиотека. - URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1262896623> (дата обращения: 23.02.18).

51. Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире. Под ред. Л.П. Маринович, Л. Ю. Сапрыкина. – М.: Наука, 1995. – С. 104 – 130.

52. Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в Римской империи: постановка проблемы в аспекте методологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2008. – № 6. - С. 314 – 318.

53. Шеховцова Е.Е. Римские императрицы в освещении античных авторов // Ярославский педагогический вестник. - 2005. - №1. – С. 24 – 27.

54. Шеховцова Е.Е. Проблема влияния детских впечатлений на поступки римских императриц // Ярославский педагогический вестник. - 2008. – № 3. - С. 135 – 141.

55. Шеховцова Е.Е. Женщина и власть в культуре древних цивилизаций: римские императрицы [Электронный ресурс]. - Электрон. библиотека диссертаций. – URL: <http://cheloveknauka.com/zhenschina-i-vlast-v-kulture-drevnih-tsivilizatsiy-rimskie-imperatritsy> (дата обращения: 10.10.16).

56. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. В 2-х томах. - М.: Наука, 1985. – Т.1. - С. 22 – 105.

57. Шпет Т. «Власть женщин в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. - 1994. – №6. – С. 242 – 269.

58. Archaeologists find “muscular” body of British “female gladiator” [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-1291446/Archaeologists-muscular-body-female-gladiator-Britain.html> (дата обращения: 25.03.17).

59. Bond S.A. Ob merita: the epigraphic rise and fall of the civic patrona in Roman North Africa. – Chapel Hill, 2007. – 87 p.

60. Edwards C. Women and Power: The Empresses of Ancient Rome [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. - URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4jfLWp2sbv2J1xcHq6pKN3J/women-and-power-the-empresses-of-ancient-rome> (дата обращения: 17.11.17).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Оценка античными авторами женщин - участниц политических переворотов и интриг (I в. до н.э. – I в. н.э.).

Авторы Женщины	Веллей Патеркул	Светоний	Тацит	Дион Кассий	Плиний Старший	Сенека	Ювенал
Юлия Младшая	«Разнузданная» и «распутная», «не упустила ничего из того, что может совершить или с позором претерпеть женщина» (II, С)	Запятнана «всеми пороками» (Suet. Aug., 65, 1). «О том, чтобы совсем ее простить, бесполезно было [Августа] умолять. В ответ на <...> просьбы римского народа он только пожелал всему собранию таких же жен и таких же дочерей» (Aug., 65, 3)	Виновная в прелюбодеянии (4, 44)	Уличена «в распутном поведении» (55, 10)	«Прелюбодеяния дочери и ставшие явными замыслы его [Августа] убийства» (VII, 149).	«Его [Августа] дочь и целый рой благородных юношей, которых прелюбодеяние связало крепче любовью клятвы...» (IV, 60).	-
Агриппина Младшая	-	«Не только собственная совесть, но и мно-	«Беспощадная в ненависти» (12, 22)	«Ничто, казалось, не могло удовлетворить	-	-	Отравительница (I, 5, 146

		гочисленные доносчики обличали в немалых преступлениях» (Claud., 43)		Агриппину...» (60, 33)			- 148), (II, 6, 620-623).
Валерия Мессалина	-	«В заключение всех своих беспутств и непристойностей она даже вступила в брак с Гаем Силием...» (Claud., 26, 2)	«Мессалине уже наскучила легкость, с какою она совершала прелюбодеяния, и она искала новых, неизведанных еще наслаждений...» (11, 26)	«Самая распутная и похотливая из женщин...» (60, 14)	-	-	«Блудная августа» (II, 6, 119)
Домиция	-	«Клялась торжественной клятвой, что этого [связи с Титом] не было, а она бы не стала отрицать, если бы что-нибудь было: она хвалилась бы этим, как готова была хва-	-	«Всегда была предметом его [Домициана] ненависти и поэтому страшилась за свою жизнь...» (67, 15)	-	-	-

		статься любым своим распутством» (Tit., 26, 10, 2).					
Эпихарида	-	-	«Ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей <...> не сломили ее и не вырвали у нее признания». «Женщина <...> явила блистательный пример стойкости...» (15, 57).	«Не выдала ни одной [подробности], хотя была подвергнута пыткам...» (62, 27, 3-4)	-	-	-
Ливия	-	Ливия была женщиной, которую Август «как никого, любил и почитал до самой смерти» (Aug., 62, 2)	«Святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей по-	«<...> Будучи самой во всем более целомудренной, делая с удовольствием все то, что радовало [Августа], и не вмешиваясь ни в какое из его дел...» (58, 2).	-	-	-

			мощницей в хитроумных замыслах мужу и в притворстве сыну» (5,1).				
Ливилла	-	-	«<...> Осквернила себя, а также предков и потомков своих связью с любовником из муниципия, в ожидании преступного и неверного взамен почетного...» (4, 3).	-	-	-	-

Приложение 2. Оценочные суждения античных авторов о женщинах - участницах политических заговоров и интриг во II в.

Авторы	Дион Кассий	Геродиан
Женщины		
Фаустина	«<...> Кассий, однако, допустил ужасную ошибку, введенный в заблуждение Фаустиной...» (LXXII, 22).	-
Луцилла	«<...> Ни скромностью, ни благоразумием не отличалась в лучшую сторону от своего брата Коммода» (LXXIII, 4).	«После того как Коммод взял жену по имени Криспина и стало необходимым предоставить первенство жене царствовавшего государя, Луцилла тяжело переживала

		это и считала почести той поношением себе...» (I, 8, 4).
Фадилла	-	«В то время как происходила междоусобная война, никто другой не хотел сообщить о ней Коммоду из страха перед могуществом Клеандра; <...> Фадилла <...> всем своим видом изобразив горе, сказала: «<...> Клеандр вооружил против тебя народ и воинов...» (I, 13, 1 - 3).
Марция	«В последний день года, ночью <...> они с помощью Марции дали ему яд в говядине» (LXXIII, 22).	«Когда [Коммод] пришел после купания, [Марция], налив в чашу яду, замешав благовонным вином, дает ему пить» (I, 17, 8).
Манлия Скантилла и Дидия Клара	-	«И вот жена, дочь <...> советуют ему схватить лежащую под ногами власть и, если бы кто -нибудь оспаривал ее, превзойти всех щедростью, так как он владеет несметными деньгами» (II, 6, 7).